

детектив – событие

Евгения Михайлова

РОЛЬ ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЫ

Детектив-событие

Евгения Михайлова

Роль любимой женщины

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михайлова Е.

Роль любимой женщины / Е. Михайлова — «Эксмо»,
2017 — (Детектив-событие)

ISBN 978-5-699-98857-0

Алена была актрисой: могла сыграть любую роль и даже забыла, какая она настоящая. Пережить убийство мужа она способна, только представив, что это эпизод нового фильма... Алексей всегда считал себя сдержанным человеком и был уверен, что любовь ему не нужна. Но когда вторая жена отца стала вдовой, вся его прежняя жизнь разрушилась. Алексей готов на всё, чтобы эта женщина стала его, несмотря на грозящую им опасность... Частный детектив Сергей Кольцов взялся за непростое расследование. Он должен выяснить, кто убил человека, у которого не было врагов, и теперь пытается уничтожить членов его семьи... Иногда тот, кто хочет разрушить твою жизнь, скрывается под маской самого близкого человека. И лишь любовь способна высветить истинные намерения предателя...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98857-0

© Михайлова Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	9
Часть вторая	11
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Часть третья	24
Глава 1	24
Глава 2	26
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	32
Часть четвертая	34
Глава 1	34
Глава 2	37
Глава 3	39
Часть пятая	42
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Евгения Михайлова

Роль любимой женщины

Часть первая

Все умерли, и все сгорели

Глава 1

Алена

Слез не было. Только свет тонул в глазах. Большая черно-белая толпа, как стая пингвинов, согнанных сюда со всего света, – это подчиненные Валентина. Остров, окруженный льдинами, – его первая семья. Черные платья и костюмы, белые лица, женские руки в кружевных черных перчатках. Высокий стройный мужчина, почти двойник Валентина, – это его сын от первого брака. Алексей. Алена не видит, а чувствует его потемневший от горя взгляд, и, если бы не его тепло и поддержка, она бы упала. Упала здесь же, рядом с красивым и богатым, как царское ложе, гробом, в котором спит ее муж. Один, без нее. Среди мертвых, убитых, как и он, цветов.

Кто-то подходит, кто-то что-то говорит. Потом все расходятся по машинам. Большие поминки в большом доме Алексея. Маленькие – дома у Алены, который больше не является домом Валентина. Это закрытое прощание Алена проведет с ночью, которая еще не остыла от его жаркого, живого тела, его запаха. В ней еще звучит его прекрасный голос. Ночь и ляжет тенью любви на его портрет, на его подушку.

Все гости отправились к Алексею. Он еще раз предложил Алене тоже поехать к нему, она отрицательно покачала головой. Он кивнул. Алексей иногда понимает ее лучше, чем понимал отец. Он, обиженный, брошенный сын, которого так настраивают против мачехи. В трудные минуты он умеет быть родным. Собственно, трудных минут при Валентине у нее было не так уж много. Теперь понятно, что трудные минуты вдвоем – это совсем другие трудные минуты.

Алексей высадил вдову своего отца у подъезда, спросил:

– Мне зайти?

– Тебя ждут, – ответила Алена. – У меня все в порядке. Я отдохну. Нужно договорить с Валентином.

Алексей кивнул и коснулся холодными губами ее ледяной щеки. Алена зажмурилась, так обжигал ее взгляд мужа на этом до боли живом и до боли похожем лице.

– Договори, Алена. Отдохни. Я завтра займусь делами, буду звонить и сообщать, что сделал и что узнал.

Она вошла к себе. Зажгла везде свет, рассмотрела такое страшное и пустое одиночество и погасила лампы. Раздвинула все шторы. Работница повесила темные, траурные, а зеркала спрятала под белыми простынями, чтобы смерть не смотрела жизни в глаза. Алена отодвинула простыню, взглянула в глаза смерти и легла на супружескую огромную кровать, чтобы смотреть на черные звезды своей судьбы. Только так, напрямую, можно договорить все несказанные слова. Оказалось, их сформулировать легко. «Ма perke?» «Почему?» Это была любимая песня Валентина. Он считал ее песней страсти. И Алене голос Адриано Челентано казался голосом страсти. А сейчас она понимает: таким голосом ушедший мужчина посылает свое прощание и прощение.

Глава 2

Ma Perke

Валентин Кривицкий, руководитель крупной многопрофильной фирмы, уехал после работы, но домой не вернулся. Алена ждала его весь вечер и всю ночь. А утром начала звонить по всевозможным номерам. К вечеру машину Валентина обнаружили в чужом, заброшенном, запертом снаружи гараже. Он сидел на переднем сиденье, грудь была прошита пулями. Заместитель сообщил полиции, что днем Валентин Кривицкий договаривался с кем-то о секретной встрече. Сделка, о которой, как он сказал, пока никто не должен знать. Он был довольно суевренным.

Валентин – сложный, даже тяжелый человек – вел дела четко, не был ни щедрым, ни расточительным, ни добрым, ни коварным. Он был человек, а не машина для сшибания и складирования денег. До встречи с Аленой его приоритетом было дело. После – Алена и дело. Два четко разграниченных приоритета. Никто из друзей и сотрудников не мог сказать, имелись ли у Кривицкого враги. По завещанию, которое он составил давно и корректировал время от времени, владельцем корпорации после его смерти становился, конечно, сын. Но директором и руководителем оставался заместитель и его друг. Сын, тридцатитрехлетний Алексей Кривицкий, заведующий финансовым отделом, владел частью акций. Такая же часть находилась у Алены. И у остальных акционеров – одинаковый с ними процент. Такой он был, Валентин. Семья в равных правах с сотрудниками. А сын недостаточно опытен, и поэтому в течение десяти лет Алексей не сможет единолично решать никакие вопросы, связанные с ликвидацией, продажей дела, а также кадровые вопросы без согласования с советом директоров. Увольнения и понижения в должности возможны лишь при полноте доказательств о некомпетентности, нарушении профессиональных обязанностей или за грубые этические поступки.

В числе очень немногих подозреваемых в первую очередь оказались: новый руководитель фирмы, друг и зам Кривицкого – Григорий Зимин и бывший муж Алены – Кирилл Соловьев, режиссер, который запил, после того как она ушла к Валентину, и не раз публично угрожал, что убьет соперника.

Алена осталась одна: вдова без детей и работы. Она была актрисой, но Валентин положил конец ее карьере, которая, в принципе, складывалась успешно, но развивалась в одной плоскости. Из-за этой плоскости муж ее и закрыл.

Алена была олицетворением эротических фантазий для многих. Каждый режиссер создавал из нее свой идеал. Она была томной блондинкой в стиле Мэрилин Монро, страстной брюнеткой в стиле Джинны Лоллобриджиды, изысканной и порочной кошечкой в стиле Катрин Денёв, трагической красавицей в стиле Ирины Метлицкой: хрусталь и сталь. Какой у Алены свой стиль, она уже и не знала. Актрисы не принадлежат себе. А режиссерам нравилось именно это: образ соблазна в ней переливался множеством драгоценных граней. И никто не скажет, что эта актриса в двух ролях повторила себя или хотя бы напомнила о том, какой была вчера. И каждый режиссер на время становился обладателем своей мечты. Съемки шли практически без пауз. Алена знала: главное, что от нее требовалось, – быть эротичной. Эротично ходить, любить, говорить, петь, мыть пол, загорать и плавать. Самое главное достоинство Алены-актрисы: она, по сути, не играла. Талант быть собой. Она на самом деле эротично плакала, страдала, болела. Наверное, сегодня эротично похоронила мужа. Который так ее любил, что ни с кем не захотел делиться ее эротичностью.

Алена не знала, полноценная была эта любовь или нет. Ничего, теперь есть время расчертить их любовь на клеточки, вспомнить каждый миг, все понять, ответить на все вопросы. И главный: почему? Почему Валентина убили?

Глава 3

Алексей

Алексей сказал следователю, что убийцу его отца нужно искать среди мужчин, влюбленных в Алену. У Кривицкого-старшего не было врагов, пока он не женился на ней. Так считали мать и жена Алексея.

– Супруга изменяла вашему отцу?

– Думаю, что нет. Надеюсь, что нет. Скорее всего, кто-то хотел избавиться от счастливого соперника. От ревности, зависти, совсем уже безумной ненависти. Ее знакомые в основном актеры и режиссеры. Многие пьющие, достаточно развратные люди. Например, бывший муж.

Алексей был уверен в том, что говорит, но ему приходилось страшно преодолевать себя. Это плохо. Это ужасно. Ее, нежную, беспомощную, теперь начнут таскать на допросы. Если даже причина в ней, то она-то не виновата. Все это только лишняя боль.

Просто он теперь главный представитель отца. И это его дело – узнать правду, добиться наказания преступника. Алена... Она не могла не притянуть беду к себе и своему мужчине. Она – магнит. Алексей честен. Пусть и она пройдет свою боль. Он ведь когда-то очень хотел, чтобы ей было больно. Отец оставил его мать, когда Алексей был уже взрослым. Он возненавидел Алену заочно, потому что не смог возненавидеть отца. А потом как-то приехал к ним. Что он увидел... Что он почувствовал... Это трудно выразить словами. Но такое нельзя показывать людям. Он понял, почему отец практически запер Алену в клетке. Ее нужно держать в клетке. Они просто сидели за столом, разговаривали, пили чай с какими-то сладостями. Она совершенно не умела готовить, не то что печь, покупала в магазине какую-то дрянь. И отец с детским восторгом восхищался. Отец, который был гурманом, которому не могла угодить ни мать, любившая повозиться на кухне, ни повариха со специальным образованием. А то, чем кормила мужа Алена, – было для него самым вкусным и желанным.

Алексей закрыл глаза и вспомнил то, что он увидел. Увидел это вновь. Отец всего лишь гладил жене руку, поправлял ей волосы, придерживал за талию, когда она вставала из-за стола, задерживал на секунду, а смотреть на это было невозможно. От этих двоих искрило таким бесстыдным током, что Алексею стало не по себе. А он был очень выдержанный, даже воздержанный человек. Его жена истово верующая женщина, для которой все грех. Любить мужа можно только для зачатия детей и только в определенные дни, чтобы дети родились, когда это угодно не им, а Богу. А предохраняться грех, воздержание же – добродетель. За пять лет у них родились трое детей. Для того они и ложились в общую постель, немногим больше раз, чтобы родились эти удобные небесам дети.

Алексей был верен жене и легко выносил такую жесткую для мужчины жизнь. А симпатичные и контактные девушки и женщины на работе оставались для него лишь коллегами. Он смотрел, конечно, порнографические фильмы, но никогда не испытывал болезненного возбуждения. Однообразие пошлости и техники его утомляло до зевоты.

Но, когда отец женился на Алене, Алексей посмотрел несколько фильмов с ее участием. Алена даже в одежде и в самых невинных сценах была такой, что он решил не показывать эти фильмы ни жене, ни детям. А сам иногда позволял себе смотреть на экранные образы молодой мачехи. И чувствовал то же самое, что в тот день на кухне в доме отца.

Он стал ханжой с ханжой-женой? Да, наверное. Или это и есть его суть без религиозного фанатизма. Бывает же такая суть.

Но почему? Почему... Алексей после похорон коснулся губами ее ледяной щеки, а губы все горят и горят. И слезы по отцу, такие больные и жгучие, похожи на стыд перед ним...

Пока Алексею ясно одно. Он в квартиру отца больше не войдет. Все заботы о делах отца, в том числе и кладбищенские, конечно, возьмет на себя. Ведь Алена ни с чем не справится. Он

видел, как ее трясло там, на кладбище, как перепуганного ребенка. Она ведь слишком живая. Она сама жизнь.

Глава 4

Ma Perke

Алена позвонила Алексею через две недели.

– Алеша, мне нужна твоя помощь. Я хочу найти покупателей на мой пакет акций.

– Зачем? Что-то случилось?

– Да. Позвонила двоюродная сестра. У нее ребенок очень болен. Ставили неверный диагноз, что-то генетическое, а в итоге оказалась опухоль мозга. Теперь четвертая стадия. Только в Израиле берутся делать операцию. Там града опухолей. Операция очень дорогая. Деньги нужны срочно. Как раз этой суммы должно хватить.

– Алена, у нас сейчас дела идут хорошо, цена поднимается. Не стоит продавать акции. К тому же скоро ты вступишь в права наследства папиным состоянием. Возьми у меня займы нужную сумму, потом вернешь, в любое возможное время. Кстати, почему у тебя нет счета? Отец говорил, что ты сама не хочешь. Это правда?

– Да. Валентин вел все дела. Я не хотела этих денежных проблем. У меня всегда была дома нужная сумма. Я не понимала, что могу остаться без него. Но я не могу взять у тебя в долг. Вообще никогда не беру в долг. Ведь нужно точно знать, что сможешь вернуть.

– Но папин счет...

– Этого долго ждать. А деньги нужны сейчас.

– Если я просто предложу тебе эту сумму?

– Нет. Я хочу продать акции.

– Хорошо. Я помогу. Я все сделаю.

И он все сделал. Алена благодарила и даже прижалась своей головкой в шоколадных волнах к его груди. Опять возникло это странное чувство. Она была старше Алексея на пять лет, а он почувствовал нежность и жалость, пожалуй, более острую, чем ту, что чувствует, когда обнимает родных детей. Он погладил темное золото ее волос. Она убежала, Алексей какое-то время стоял в своем кабинете, пытаясь унять горящие руки. Они чуть было не задержали ее, чтобы Алена ему объяснила то, что он не понимает сам. Что произошло с ними? Изменилось ли что-то или ему так кажется? Он никогда не говорил с ней ни о чем, кроме дел. Он совсем ее не знает. Он даже не знает, зачем ему что-то о ней знать.

Алексей вспомнил, как он однажды вошел в кабинет к отцу, а тот говорил по телефону с женой. Увидел сына и спокойно сказал: «До вечера, моя шоколадная детка». И в этом тоже было что-то такое постыдное, запретное, интимное, чего Алексей не мог себе вообразить. Таким голосом, с интонациями такого предвкушения и обещания никто и никогда не говорил с законными женами в служебном кабинете. В присутствии взрослого сына от первого брака.

Когда стало известно, что отец женился на Алене, один приятель сказал Алексею:

– Повезло этой актрисуле. В такой шоколад влетела.

Алексей тогда даже не понял, что его так покорило: то, что отец женился на какой-то «актрисуле», оставив его добропорядочную мать, или то, что папа воспринимается всего лишь как денежный мешок для молодой жены. Вот тогда он и нашел фильмы с ее участием, ее снимки в Интернете. Искал аргументы для своего протеста. Он не киноман, но ему было ясно, что Алена не проходная «актрисуля» и дело тут даже не в том, что ее роли главные. Он, далекий от кино человек, понял идеи разных режиссеров. Точнее, это была одна идея: найти воплощение собственного эротического символа. Она была разной в кадре только потому, что разными были мужчины, которые ее снимали и с которыми она снималась. Вот тогда Алексею очень захотелось увидеть, какая она «в шоколаде», созданном для нее его богатым, придиричивым и очень жестким, волевым отцом без киношных любовных соплей и сантиментов, без выставленной напоказ порочности или призыва-демонстрации.

Увидел и понял. Это отец увяз в горьком и расплавленном шоколаде с лучами солнца. Из-под прядей шелковых волос на Алексея взглянули зеленые глаза, чистые и доверчивые.

«Как отец мог не позаботиться о ней? – вдруг остро подумал Алексей. – Он – бизнесмен, он так позаботился о деле при жизни. Понятно, что их брак длился всего полгода, и он даже не мог подумать... Но вот случилось...»

О том, что случилось на самом деле, о том, какой «шоколад» оставил отец Алене, стало известно через несколько дней после того, как вдова продала свои акции и отдала деньги на лечение племянника. Все деньги со счета Валентина Кривицкого были сняты в тот самый день, когда он уехал на секретную встречу. Снял он лично.

– Возможно, он подвергся шантажу, – объяснил следователь. – Бывает. Скорее всего, его шантажировали жизнями близких. Надо искать.

Отец был такой неправильный бизнесмен, что держал личные деньги на одном счете, деньгами компании управлял финансовый отдел, эти деньги никогда не были одними и теми же. Можно было не сомневаться: у отца нет тайных вкладов за границей, ни таких же – на подставных лиц.

Алена к ужасной новости отнеслась не то чтобы спокойно. Просто приняла это как следующий удар, который был несравнимо легче по сравнению с потерей мужа.

Остался большой дом в Подмоскovie, построенный предками Кривицкого больше ста лет назад. Дом в списке старинных особняков России, он значится в писцовой книге прошлого века. Воссоздан и отстроен так мастерски, что это делает его достоянием архитектуры. Но его продавать никак нельзя. Там даже мебель бесценная, антикварная, отреставрированная лучшими мастерами. К тому же в права наследства вдова вступит только через полгода, потом время на продажу. И Алексей предложил Алене продать этот дом ему. Таким образом они решат все проблемы. Он заплатит ей сейчас, до продажи. Риелторы фирмы составят нужный договор между родственниками. Алена согласилась.

Он заехал за ней к ее подъезду, смотрел, как она спешит к нему, озабоченная и взволнованная. Он не мог рассмотреть ее, свет слепил глаза, мешая увидеть ее лицо, но тело ее трепетало в отблеске шоколадного солнца. По дороге он думал только о том, что им нужно осмотреть дом, забрать оттуда документы. Он напряженно думал об этом искушении – остаться в доме вдвоем. Вот и ответ: та редке. Почему он шарахается от нее. Почему боится лишний раз дотронуться до руки. Даже не подает руку, когда она выходит из его машины. Потому что это большая опасность – заразиться любовной лихорадкой отца. Все же они родная кровь. Как Алексей ни уходил от сути их общей крови, эта суть догоняет его.

Вот о чем он думал всю дорогу. А в поселке на подъезде к дому они увидели пожарные машины и МЧС. В клубах мокрого дыма и горечи убитого огня от бывшего особняка остались лишь руины.

– Поджог, – сказал полковник из МЧС.

Алена была очень бледной, с сурово сжатыми губами. Алексей взглянул на нее и подумал, что это уже сеть преступлений. Что направлены они против Алены. Отцу ведь уже не навредишь, его бизнесу не причинишь вреда, спалив родовое поместье. Расплавился шоколад богатого папы, который бросил в беде свою красавицу вдову.

Он отвез Алену домой, пообещал что-то придумать. Не зашел даже в такой ситуации. А вечером стал звонить серьезным людям и просить порекомендовать ему хорошего частного детектива. Следователи дело растянут на столетие. А в это время кто-то будет готовить следующий удар.

Часть вторая

Без него

Глава 1

Сергей Кольцов

Сергей Кольцов, частный детектив, с интересом взглянул на вдову Валентина Кривицкого, которую он пригласил к себе, подписав договор с ее пасынком – Алексеем Кривицким. Алена меньше всего была похожа на жену олигарха. Скорее на актрису в роли вдовы. Или на райскую птицу, для которой приготовлена какая-то ловушка.

– Начну, как в кино, – улыбнулся ей Кольцов. – Я пригласил вас... Далее по тексту. Мой клиент, сын вашего покойного мужа, считает, что эта цепь преступлений – месть именно вам. Я посмотрел все, что есть у следствия. Версия Алексея имеет под собой основания. Для начала дело запросит к себе руководитель отдела по расследованию убийств полковник Земцов. Мы работаем в команде. Алена, вы сказали по телефону, что готовы нам помогать.

– Да, конечно. Но я понятия не имею, как и в чем. У меня никаких подозрений.

– У меня пока тоже. Просто прошу подумать, поискать в памяти. Вдруг что-то вспомните, что-то само собой всплывет. Чье-то подозрительное поведение, странные события. Понимаете, до поджога вашего дома все выглядело как убийство с целью грабежа. Дом – это теперь исключительно ваша собственность, и это все меняет. Главное, что нет мотива. Поджигатель ничего не выигрывает. Я общался с председателем товарищества, в котором находился дом. Товарищество согласно купить у вас участок. Но, разумеется, тут интерес злоумышленников не просматривается. Если даже иметь в виду людей, которые получают участок. Дом стоил в тысячи раз дороже, чем земля под ним.

– Я понимаю. Конечно, я постараюсь подумать, может, что-то и вспомню. Но лучше, если мне просто придется отвечать на ваши вопросы. Я не очень внимательный человек, мне нужно от чего-то оттолкнуться.

– Спасибо. Значит, сотрудничаем. Очень рад. Вы – отличная актриса.

– Вы помните меня? – удивилась Алена. – Я в последние годы вроде бы и не актриса.

– Но фильмы с вами остались. Я посмотрел. Нам тоже требуется входить в образ.

– Получилось? – заинтересовалась Алена.

– Думаю, да. Это очень выразительный образ.

Алена уехала. Сергей позвонил Вячеславу Земцову, рассказал, что дело об убийстве бизнесмена Кривицкого в тупике, а последнее преступление вообще путает все карты. Поджог такого серьезного особняка – дело коллективное, требует умельцев, заказ такой работы – это очень дорого. Кому это выгодно, совсем непонятно.

К тому моменту когда Сергей приехал к Славе, тот уже получил нужную информацию, отправил запрос на передачу дела из района к нему.

– Я в задумчивости, – сказал Слава. – Какая-то совсем бессмысленная история. Как тебе эта вдова? Ничего в знаменитой голове самого выпендренного частного сыщика не щелкнуло, не звякнуло, ниточка не мелькнула?

– Если я скажу, что мелькнула, но я понятия не имею, что именно, тебя это очень удивит?

– Вообще не удивит. Это значит, что женщина тебе понравилась настолько, что достойна убийства, типун мне на язык.

– Где-то так. А перед этим достойна всяких-разных бед со всех сторон. Она на данный момент практически нищая, как сказал мне ее пасынок. У него денег брать не хочет.

– О чем это говорит? Так ее пытаются уничтожить?

– Наверняка. Надо искать в добропорядочной бывшей семье. Так мне кажется. Алексей Кривицкий обещал помощь в поисках суммы, снятой Кривицким в день гибели. Ему доступна информация о получении и переводах таких крупных сумм банками.

– Могли переводить кусками. Если вообще пользовались услугами банков.

– Могли. Но с чего-то надо начинать. Версии первого следствия, разумеется, в силе.

– Экспертиза трупа, как водится, халтурная. Скромные возможности районного эксперта без нужного оборудования. Получаю разрешение на эксгумацию, стучимся к эксперту Масленникову. По коням. Да, чуть не забыл. Твой гонорар – он как? Ничего? – не сдержал любопытства Земцов.

– Скажу тебе страшную вещь. Не принимай, конечно, близко к сердцу. Но гонорар отличный! Парень не скупой. Как, впрочем, и я. Ты поймешь это в ближайший просвет в работе.

– А в чем интерес этого парня, как тебе показалось? Он ведь представитель этой самой бывшей семьи. Отца, как говорится, не вернет, а деньги если и найдем, то не ему, а вдове, согласно брачному контракту Кривицкого. Сгоревший дом с драгоценной обстановкой не вернем вообще никому. Что им двигает? Страх за жизнь соперницы его матери?

– Именно. Очень неровно дышит он к мачехе. Это единственный момент, когда у меня все шелкнуло, звякнуло и просто завывло как аварийная сирена.

Глава 2

Укрощение плоти

Вечером Сергей Кольцов позвонил Алексею и доложил, что дело у полковника Земцова в отделе по расследованию убийств, готовится запрос об эксгумации. С Аленой встретился.

– Она что-то сказала? Никого не подозревает? – спросил Алексей. – Я не знаю, как задавать подобные вопросы...

– У меня пока нет вопросов. Но Алена согласилась сотрудничать. Что, собственно, на данном этапе и требовалось.

– Как она тебе вообще?

– Сидел с ней, как в кадре. Даже слышал какую-то закадровую мелодию. Итальянскую. Твоя версия очень правдоподобна, Алексей. Пойду по следу твоей интуиции.

Сергей в последнюю секунду заменил словом «интуиция» слово «любовь», которое прикусил с кончика языка.

Значит, это понятно всем. Раз совершенно посторонний человек схватил ее суть с первого делового разговора. Страшное открытие. Во время ужина Алексей сидел во главе большого семейного стола и почти не поднимал глаз, не участвовал в чинном неторопливом разговоре. Он, конечно, сходит с ума, но нет людей, которые с такой холодной яростью относились бы к Алене, как относятся к ней его близкие. Конечно, сходит с ума. Что он знает о ее жизни, встречах, мужчинах? Просто с тех пор, как Алена вышла замуж за отца, она жила практически взаперти и под его присмотром. Что, разумеется, тоже могло вызвать чью-то ярость. Желание отомстить. Медленная, выношенная месть. Обоим.

После ужина Алексей попрощался на ночь с детьми, которых жена увела на вечернюю молитву, сослался на головную боль и ушел в свою спальню – аскетическую копию отдельной спальни его жены. Прилег, не раздеваясь, на кровать. Тревожная мысль не давала ему покоя. Алексей даже не сразу понял, что за пронзительный дискомфорт терзает его душу и тело. Перебрал в уме все причины столь странного недомогания. Простуда, усталость, стресс, смятение, страх... Не то. Он хотел бы сейчас заболеть или устать до полной бесчувственности. Сердце ужасно колотилось, как будто он бежал от погони. Во рту пересохло, руки дрожали. Алексей открыл свой бар, выпил немного виски и с ужасом понял, насколько все ухудшилось. Он увидел Алену! Он видел Алену обнаженную, изнывающую от страсти, в беспощадных руках отца... Нет, в его руках! В руках Алексея.

Все это так мало напоминало влюбленность, о которой он читал в книгах, которую видел в кино. От этого не хотелось вздыхать на луну, петь серенады и писать нежные письма с признаниями. От этого хотелось убить себя. И... да, пора уже это сформулировать. Больше не хотелось гладить Алену по шоколадной головке, как обиженного судьбой ребенка. Дикие мысли спускались из воспаленного мозга все ниже и ниже. Он принимал ледяной душ, делал гимнастику, пытался напиться, чтобы уснуть хотя бы пьяным сном. А становилось только хуже и хуже. Не стирались с горячих глаз нестерпимые картинки, как будто посланные бесами, которыми бредит его жена. Он видел, как врывается сейчас к Алене в квартиру и берет ее грубо, прямо на пороге. Как звонит ей от подъезда снизу и, когда она спускается, насилует ее прямо на лестнице. Он везет ее на могилу отца... И тут начиналось самое невероятное. Он видит, как там, в отчаянии и невозможности себя укротить, терзает ее нежное тело прямо на могильной плите, на рассыпанных розах, которые они покупают, чтобы украсить тихий приют отца. Он оскверняет все.

Алексей хрипел в подушку, задышался и думал, что утром просто не встанет. Ушли все силы, которые нужны для жизни и стольких дел.

Но он проснулся, конечно, или вовсе не засыпал. Он не мог есть. Глоток кофе раскаленным куском солнца покатился по телу, и пытка началась сначала.

Он приехал на работу, мрачно прошел по коридору офиса, никому не улыбаясь, как обычно. Закрылся в своем кабинете. И тут позвонила художница, которая высекала портрет на памятнике отца, сказала, что они с Аленой могут приехать посмотреть работу. Он, конечно, сразу сообщил об этом Алене, но сказал, что пока не знает, когда сможет вырваться. На самом деле он мог вырваться хоть сию секунду. Поездка займет не больше двух часов. Но он оттягивал время встречи с Аленой.

Алексей напряженно думал: что же ему делать. Он так напряженно думал, как будто речь шла о жизни и смерти. Собственно, лукавить с собой уже не имело смысла. Речь шла именно об этом. В панике он вдруг вспомнил всю эту богомольную литературу об укрощении плоти. Книги о священниках, которые убивали тело, спасая душу. У него не было выхода.

Алексей сказал домашним, что у него заболел желудок, на работе – что у него началась сильная аллергия и он не может бриться. Он не ел, не пил, не курил. По утрам, как всегда, надевал свои дорогие офисные костюмы, сверкающие белоснежные рубашки и отправлялся в офис, как грешник из ада. На лице со щетиной, которая его странным образом украшала, как заявили коллеги, горели потемневшие от непосильного труда глаза. От непосильной борьбы. Плоть была сильнее укрощения.

Так он продержался две недели. Дольше избегать Алену было невозможно.

Глава 3

Кино для Алены

Он только сухо кивнул Алене, когда она подбежала к его машине. Посмотреть даже мельком не было никакой возможности.

Алена была очень озабочена. Безденежье надвигалось, а варианты решения проблем, наоборот, не виделись даже в тумане. Она все еще была разбита, раздавлена, убита. Она знала, что должна заставить себя позвонить своим режиссерам, вернуться на работу. Но не могла. Конечно, она не сможет работать.

Напряжение между собой и Алексеем она почувствовала не сразу.

Они обсудили ее очередную самоубийственную идею. Алена решила продать свою квартиру и купить меньшую.

– Понимаешь, мне в ней плохо. Я в ней заблудилась. Ты pomoжешь, Алеша?

– Да. Конечно. Можешь считать, что ты нашла покупателя. У меня трое детей. Мне нужны еще квартиры. Твой вариант – новую маленькую клетку для райской птички, конечно, подберут. Я постараюсь, чтобы разница в сумме была максимальной.

– Спасибо, – вздохнула она облегченно.

– Тебе спасибо. Мне всегда нравилась квартира отца.

Сердце Алены забилося ровнее. Отсрочка приговора. Будет какое-то время собирать собственные осколки и что-то придумывать. И вот тут-то она и почувствовала странное напряжение между ними. Алексей протянул руку, чтобы включить музыку, нечаянно коснулся ее руки и отдернул ладонь, как от удара током. Он приспустил окно с ее стороны, задел ее плотную черную юбку – и подавил вздох, как от боли. Она посмотрела на него, на его щетину, на отведенный от нее потемневший взгляд и все поняла просветлевшим вдруг мозгом, горящие угли прозрения рассыпались по ее телу.

Они приехали к художнице. Прошли в мастерскую. Там нахлынули другие чувства. Алена гладила высеченное белым на черном мраморе лицо мужа, поражалась и ужасалась его живой красоте. Металась ее душа в поисках его на земле. Алена плакала. Гладила руки художницы.

Алексей стоял неподвижно. Он никогда не встречал такого поведения у женщины. Таких эмоций, такого их выражения. Такой свободы в горе... И, наверное, во всем. Алена целовала мертвые губы в мраморе и не чувствовала, как рядом стынут в тоске и вожделении губы живые.

На удивительно удачный на самом деле портрет отца он тоже смотрел с болью. Алексей очень любил отца, а смотрел на него сейчас почти как на соперника. Как предатель. Как похититель чужих сокровищ смотрел. Если его, Алексея, продержат в его отчаянии и тупике еще год, два, неизвестно сколько, – может случиться что угодно. Сейчас ему кажется, что он мог бы, как маньяк, поджечь дом, убить родного отца. Они в одной ловушке. Валентин, который там, и Алексей, его сын, который здесь.

Потом они купили белые и красные розы, поехали на кладбище. Алена аккуратно разложила цветы на могиле. Алексей перекрестился на крест с иконой, стал молиться про себя. Только молитва была не о том, не о покое души отца. Бог, наверное, в ужасе от той молитвы, с какой обратился он. Смотреть на Алену, которая нагибалась, поворачивалась, всхлипывала, поправляла волосы, вытирала слезы тоски по тому, что осталось от ее оборванной любви, – было мукой. И мукой далеко не сострадания.

Алексей отвез ее домой, не помог выйти из машины, сказал «до связи» и не посмотрел ей вслед. Но она ушла, а он смог шевельнуться, отмереть лишь минут через двадцать.

Алена проснулась среди ночи, как будто ее грубо разбудили. Долго не могла поймать собственное дыхание. Сбросила влажную ночную рубашку. Что ей приснилось? Долго вспоминала. И вспомнила. Просто куски того, что было днем, что днем скрывал от нее занавес слез. Взгляд Алексея, который она почувствовала только сейчас, слишком сдержанные удаленные движения, как будто он надел на себя кандалы. Мрачные и страдающие глаза.

А потом началось это. Горячая волна поднялась от кончиков пальцев ног до корней волос на голове. Все тело вдруг воспламенилось. И Алена металась, кусая до крови губы, выжигая слезами свои сухие глаза. В отличие от Алексея она очень хорошо знала, что такое страсть. Вершиной возможной страсти ей казалось то, что было разбужено самым опытным на свете любовником – ее покойным мужем. Разбужено после тягостной, мрачной спячки тяжелейшего брака. Руки Валентина, его губы, его приказ умели в любой ситуации вырвать ее из клетки застенчивости, стыда, самообладания. Да, ей казалось это вершиной. А теперь больше не кажется. Страшное открытие. И Алена металась на своей огромной супружеской кровати. Холодный и жестокий рот пасынка-аскета терзал ее всю... Через всю Москву. И спрятаться не было никакой возможности.

А утром позвонил знакомый режиссер Максим Дымов. Сильный, изобретательный, рискованный мастер. Они никогда не работали вместе, просто были в хороших отношениях. Максим все обещал, что придумает для нее что-то необычное.

– Как ты, Алена? Все не решился позвонить сказать тебе слова. Мне очень жаль. Я был на кладбище. Мы не стали подходить: там публика, как на светском рауте.

– Нормально, Макс. Спасибо.

– А у меня к тебе предложение. Созрело-таки.

– Я как раз думала о работе. Ты знаешь, я не смогу пока.

– Не торопись отказываться. Это предложение только для тебя. Фильма нет, сценария нет. Ничего нет. Кроме желания снимать тебя в фильме о тебе. Сценарием станут твои мысли, чувства, твоя жизнь. Я даже не собираюсь просить на этот эксперимент деньги. Соберу минимум по сайту «Планета РУ». Для съемок хочу просто арендовать квартиру. Других актеров набирать по ходу. И это будут не только профессионалы.

– Я согласна. От такого ни одна актриса не откажется. Ты так решил на кладбище?

– Да. Вот видишь, как ты сразу схватила мою режиссерскую мысль. Значит, работаем. Для начала: какую фразу ты бы сказала о себе сразу, не задумываясь?

– Без него, – произнесла Алена.

– Вот и название, – выдохнул Максим.

Глава 4

План

Частный детектив Сергей Кольцов приехал в офис к Алексею Кривицкому с докладом. Взглянул на измученное лицо самого дорогого своего клиента и подумал: «Тяжело как-то тебе, старик».

– Приветствую, Леша, – произнес вслух. – Пришел отчитаться по тому, что есть и может быть. Ты по ходу прикинешь, в каком месте можешь принять участие. Есть моменты, которые без тебя никак не просматриваются.

– Привет, Сергей. Очень рад. Буду стараться, так положено отвечать командирам?

– Примерно. Начну с плана. Подозреваемые. Три пункта. Дальний круг, то есть лица, которые общались с твоим отцом достаточно редко, удаленно, исключительно по делам. К семье и Алене ни малейшего отношения. Проживать могут в любой точке земли, с которой Валентина связывали какие-то дела. Твое участие – то же, что мы и обговаривали. Поиск переводов, совпадающих по сумме с вкладом, снятым отцом. Эти деньги должны были где-то засветить в ближайшие после убийства дни. В ячейках надолго такую сумму не оставят, ясно, что ее ищут. Тут кроме тебя нам помогают и другие финансисты, в том числе экономические разведки других стран. Следующий пункт. Средний круг. Это более тесные и регулярные контакты. В том числе и знакомые Алены. Ее знакомства и абсолютно все встречи – по работе, личные друзья, просто приятели, что-то эпизодическое. Необходимо и ее участие.

– Одно скажу сразу. Друзей и подруг у Алены нет. По крайней мере, пока она жила с отцом, ни с кем не дружила. Папа как-то сказал: «Странная женщина – моя жена. Никакого интереса к тусовкам, нет подруг по тряпкам и сплетням, нет приятелей для трепа по телефону».

– Тем лучше. Но я уточню у нее. Следующий пункт. Ближний круг. Это ты, твоя семья, каждый в отдельности, с контактами и контактами контактов. Близкие друзья. То есть так мы учитываем все доминирующие версии, допуская, разумеется, что существует версия, которая возникнет в ходе расследования. А теперь и собственно доклад. Кое-что у нас есть. Не так уже мало. Результат эксгумации позволил нашему эксперту Масленникову сделать вывод об оружии убийства. Оно практически уникально. Последняя разработка для израильской армии. Малая партия. Пистолет нового образца, совершенный, бесшумный, обладающий множеством до сих пор невозможных функций, в частности он сохраняет отпечатки пальцев всех, кто берет его в руки. Это на случай похищения. Вещь пока исключительно дорогая. Такое оружие не выбросит ни профессиональный киллер, ни владелец. Списки владельцев можно узнать с помощью израильской разведки, у нас есть там связи. Скорее всего, пистолет застрахован.

– Как можно с таким оружием идти на убийство?

– Молча. О нем мало кто знает. В следственном отделе – точно нет. Только Масленников, который впереди планеты всей. Ну, и последнее сообщение, точнее, вопрос. Ты в курсе, что режиссер Максим Дымов пригласил Алену в свой новый экспериментальный проект? И что она согласилась?

– Нет, – оборвалось сердце Алексея. – Что за проект?

– Фильм на одну актрису. События ее жизни. Люди, которые с ней пересекаются. Как написал сам режиссер на сайте «Планета РУ», «актриса, которая была для других режиссеров всего лишь воплощением их эротических идеалов по чьему-то подобию, теперь сыграет саму себя». Она же по факту – соавтор сценария и второй режиссер.

– Какая безумная идея!

– Почти безумная. Близка к гениальной, как решили критики и зрители Дымова. И мы с Земцовым. Потому что в процессе такой работы Алена может вспомнить то, что нужно нам.

– Ему дали деньги на такое сумасшествие?

– Нет. Деньги для него не главное. На этом сайте уникальные режиссеры, как Гарри Бардин и Дымов, собирают деньги тех зрителей, которые в них верят. Режиссеры часто не берут деньги за свою работу. Актеры игровых фильмов получают гонорар после выхода картины.

– Да. Тут он попал. Только Алена и могла согласиться на работу, оплата за которую вилами по воде...

– Извини, но ты не в теме, старик, – сочувственно сказал Сергей. – Самая известная и богатая актриса проползла бы на животе до китайской границы, получив подобное предложение. Это большая актерская удача. У меня все. Работаем. Честь имею.

– У дна нет дна, – проговорил Алексей, проводив детектива и закрыв дверь кабинета изнутри. Он – не Валентин. Он не сможет удержать Алену в клетке. Даже если скупит вокруг нее все квартиры, дома, воздух и небо.

Он подошел на ватных ногах к компьютеру, нашел сайт, прочитал все о проекте, долго смотрел на фотографию режиссера. Известное лицо. Кто бы мог подумать, что Алексей, глядя на этого мужчину, который существует в параллельном мире по отношению к нему, внутренне скорчится от холодной жестокой лихорадки.

Написано, что Дымов снимет для съемок обычную бедную квартиру на окраине Москвы. С типичной старой мебелью. Там будут репетировать, снимать, выстраивать жизнь Алены для актрисы Алены. Жизнь, страдания, муки и страсть. Ею Алены. А она такая искренняя... Алексею остается лишь нести свою боль и эти мучительные картинки, которые вновь замелькали в воспаленном мозгу: обнаженное тело Алены. Чужие руки, губы и, главное, глаза, которые ее увидят. Будут другие партнеры. Будут люди в зале под названием возжелание.

И клерк Алексей Кривицкий начал спасаться одним известным ему способом. Занялся делом. Поисками новой квартиры для Алены, ее обустройством. Она сказала, что не возьмет с собой ничего из мебели, кроме старой супружеской кровати.

– Алена, – пытался ее уговорить Алексей. – Этот полигон займет целую комнату обычной двушки.

– Мне в спальне других вещей и не надо. Понимаешь, я на ней живу. Эта кровать – моя планета.

– Понял. Все сделаем, как хочешь, – сказал Алексей хозяйке планеты по имени желание.

Глава 5

Планета по имени желание

«Первый концерт Лары Фабиан после смерти любимого человека. Она вышла, но не смогла запеть. И тогда, стоя, запел весь зал. Поклонники исполнили ее песню, заменив слова, «Je t'aime» – «Я тебя люблю». И впервые припев превратится в «On t'aime» – «Мы тебя любим». После выступления продюсер Рик Алиссон, который аккомпанировал на пианино, подошел и сказал: «Видишь, а ты говорила, что тебе незачем жить. Живи ради них, ради людей, которые любят тебя».

Эти строки прочитал Максим Дымов, начиная работу над фильмом «Без тебя» с единственной пока актрисой – актрисой-мечтой Аленой Зориной.

Как начинать самую тяжелую на земле работу? Открывать свои глубокие, заживающие раны, чтобы разбудить боль. Превращать в слова спекшиеся слезы. Поливать своей потемневшей кровью засохшую землю, чтобы проступила из-под нее свежая, невинная кровь. Упасть, чтобы прикрыть любящим телом место погребенной страсти, и очнуться в другом месте с другими людьми, которые рядом неизвестно зачем и почему.

Так начинали работу актриса и режиссер, ступившие на неизведанную планету.

Максим снял квартиру для съемок неподалеку от дома Алены. Чтобы она проходила по тем же дорогам-дорожкам, где была с ним. Без него. В этой квартире он создавал программу ее вхождения в самый неизвестный и сложный образ – в свой собственный, а не чужой. Строил пути их внутреннего контакта. Режиссер должен чувствовать настроение актрисы и ловить ее мысли. Она должна слышать дистанционно его команду. Он создавал ее мелодию. Они вместе искали разные музыкальные темы, голоса исполнителей, мелодии для стихов разных поэтов, подбирали стихи. Критерий отбора был один: ее реакция. Ее ответ. Трепет сердца, томление в глазах, тоска на губах. Так составили необычную странную симфонию. Бах, Бетховен, Альбиони, Шуберт, итальянская эстрада, Леонард Коэн, Елена Фролова, Патрисия Каас. Стихи Цветаевой, Пастернака, Губарева, Окуджавы. И много-много всего, по мере погружения в темный лес души Алены. В застывший, казалось, заколдованный лес заблудившейся души.

– Ты будешь слышать эту музыку в разном порядке просто из айфона в сумочке. Со временем ты будешь слышать ее и без айфона. Мелодии станут фоном твоих настроений. Операторов ты не будешь видеть. Но они будут рядом: пойдут навстречу, за тобой, проедут в машинах, пролетят в вертолетах, камеры спрячутся везде, даже в детских игрушках. Это очень современные портативные камеры для серьезных документальных фильмов. А мы сделаем на них художественное, большое кино. Этого пока не делал никто в мире. Камерной техникой снять большое кино! Я буду искать темп, созвучный тебе, ты научишься ловить пульс моей идеи. Потом запишешь свои мысли, чтобы произнести в кадре, или проговоришь по ходу. Техника может это уловить. Начали.

Так они начали. Алена медленно шла по дорожкам парка, где они часто ходили с Валентином. Туда, где с воспоминанием о нем связаны все деревья – свидетели их любовного движения, воздух, цветы. Они просто ходили, он ее целовал, прижимал к себе, она здесь вдыхала его запах. Ей кружил голову густой и плотный туман их любви. Вот здесь, на этой потемневшей к вечеру от их страсти скамейке. Вот здесь, под огромным деревом, как под шатром, они останавливались, чтобы лечь в траву. Стебельки ласкали тогда ее тело, ее босые ноги. А сейчас здесь идут ее ступни, истосковавшиеся без него.

Пару дней отработали хорошо. А потом вдруг все изменилось. Алена переставала что-либо понимать. Она снималась на разной натуре, она прошла курсы спортивного ориентирования. Но сейчас она входила в этот парк, а вернуться не могла. И не могла найти те места. Те места, где осталось ее счастье.

На третий день она пришла к Дымову в слезах. Она была истерзана не усталостью, не жарой и жаждой. То есть – да, сожжена жаждой, которую невозможно утолить. Она не находит столь известных ей мест, она куда-то бежит, что-то ищет. Но ее мираж тает, исчезает.

– Я ничего не нашла. Макс, мне кажется, я схожу с ума.

– Что ты по этому поводу думаешь? Вот так с ходу?

– Возврата нет.

– Это оно. Наш первый эпизод. Все снято, Алена. Все отлично. Ты успокоишься и вспомнишь все, что видела во время этих поисков. Это и будет твоим закадровым текстом. И ты найдешь в себе силы реконструировать затем свои воспоминания с партнерами.

– Как ты будешь подбирать актеров?

– Как твои мелодии. По твоему движению навстречу.

Наступил день переезда Алены в новую, отремонтированную квартиру. Она была куплена в этом же районе. Оторваться совсем Алена не смогла. Обставили одну комнату. Другую оставили дожидаться кровати, чтобы она ее заполнила и стала планетой.

Накануне Алексей приехал помочь. Он поднялся на ее площадку. Дверь квартиры была приоткрыта. В холле стояли большие пластиковые мешки с вещами. Это Алена собрала то, что не повезет на новое место. Алексей вошел бесшумно, встал, глядя на спальню с открытыми шкафами. Алена, в джинсах и растянутой майке, сосредоточенно рассматривала вещи, иногда что-то прикладывала к себе, потом без сожаления бросала в мешок.

Какое странное, нереальное, пленительное зрелище. Алексей в жизни не видел ничего столь прекрасного и печального. В шкафу у нее висели платья практически всех цветов и фасонов. Очень короткие и в пол. Синее, красное, зеленое, серое в алых маках, черное в крошечных японских цветах. С открытыми руками и плечами, закрытые до подбородка. Яркие и светлые блузки. Она все это бросала в черные мешки. Как будто хоронила. Пришел черед купальников. Тоже всех цветов и фасонов. Одежда ее женственности. И ее она бросает почти с ненавистью и скорбью. Ох, какая боль.

– Ох, – произнесла Алена. Села на кровать и, закусив губу, стала рассматривать палец на ноге, стертый во время съемок, которые уже начал этот сумасшедший режиссер.

– Эй, – тихонько окликнул Алексей. – Алена, я пришел. Стою, смотрю. Что ты делаешь? Это страшно. Ты сбрасываешь в черные мешки свою одежду. Такую прекрасную одежду. Мы можем купить другие тряпки, дело не в этом. Дело в том, что нельзя из потерь делать ритуал. В этом есть что-то преступное.

– Возврата нет, – сурово сказала она.

– Возврата нет именно тогда, когда убивают прошлое. Утраты нельзя культивировать и множить. Нет больше моих сил!

Алексей бросился к ней, упал на колени. Он целовал ее ноги, ее стертый пальчик, он шептал слова любви, своей первой любви, в ее маленькие ступни. Он – сын чопорной матери и муж святоши, примерный и терпеливый семьянин, – не стал тратить время на то, чтобы расстегнуть молнию на ее джинсах. Он их разорвал, как цепи между его желанием и ее священной плотью. Он узнал, что на самом деле священное на этой земле. Это именно на земле. Это именно тут – в этих старых джинсах.

Она сначала закрыла лицо руками, чтобы даже воздух над этой чертовой кроватью не видел ее ответа. Ее вынужденного, мучительного ответа. Вот это она искала, блуждая полдня по следам умершего прошлого. Это встретило ее не там и не так.

– Мой дорогой, – выдохнула она в эти такие похожие и совсем другие губы.

Его клятвой и признанием стал взрыв всего, что было его жизнью до этой минуты. Что было его прошлым, его ценностями и богатствами. Все это не стоило ее пальчика с натертой мозолью.

Они вернулись и проснулись. Из того, что не было сном. Это было начало чего-то совсем другого. И заметили, что за окном темно. А дверь квартиры так и не закрыта.

Когда Алексей поднялся, первое, что он сказал:

– Мы перевезем эти мешки с твоими лепестками. А кровать я завтра сам порублю топором. Пусть она остается здесь. Нам я куплю другую. У тебя будет другая планета. Ты ведь по жизни инопланетянка.

– Будет очень тяжело, – прошептала Алена.

– Будет, – согласился Алексей. – Но не тяжелее, чем было. А сейчас мы согреты нашим огнем.

Глава 6

Возврата нет

Текст Алена писала тоже в режиме скрытой съемки. Максим привез из Голливуда дистанционно управляемые камеры, которые устанавливаются в разных точках квартиры.

Деньги, поступающие от зрителей на его счет, он сразу снимал, чтобы оплачивать все по ходу. Они лежали в сейфе этой же квартиры. Одежду Алена привезла сюда свою. По мере развития сюжета, по цветовым требованиям картинки они заказывали что-то новое. Дымов сам находился в соседней квартире и следил за всем по монитору.

В тот день все шло в спокойном режиме. Алена работала одна, пила кофе, умывалась, причесывалась, слушала свою мелодию, правила написанный текст. И вдруг... Сначала обрвалась мелодия. Потом Максим увидел, как заметалась в панике Алена. Ее комната заполнилась туманом, Максим даже в своей квартире почувствовал запах какого-то газа. Он рванул туда. Дверь квартиры не запиралась, они даже убрали замок, чтобы она не захлопнулась в незапланированный момент. Но Максим не мог ее открыть! Дверь как будто залили чем-то, сразу застывшим, изнутри.

Он бросился на свое режиссерское место. Стал звонить по всем службам. Набрал Алексея. В отчаянии смотрел на монитор, как бьется в клубах отравленного дыма Алена. Мелькают чьи-то руки, срывают с нее наброшенный на голое тело халат. Как она пытается открыть окно. Это третий этаж. Максим бросился на свой балкон. Схватил там какой-то ржавый молоток, оставленный хозяевами в стенном шкафу, встал на хлипкий, дрожащий под его ногами подоконник и стал пробираться к ее балкону, окна которого были закрыты.

Он еще балансировал между двумя квартирами, одной рукой держась за раму, другой разбивая молотком стекло на балконной двери, он уже ступил босой окровавленной ногой на ее подоконник, оставалось только сделать рывок... И тут во двор ворвалась машина Алексея, за ней полиция, и какой-то уверенный парень с пистолетом в руке уже спешил к подъезду.

Они все встретились в квартире – съемочной площадке. Старую деревянную дверь выбили – изрубили топором. На полу под опадающим, сереющим туманом лежала без сознания Алена. Она была залита вся с головы до ног каким-то белым, застывающим раствором. Тем же раствором, которым зацементировали дверь. Рядом с ней валялся пустой, разрезанный лазером сейф.

Алексей схватил свое застывающее счастье на руки, понес в ванную, не чувствуя даже запаха едкого дыма. У него в этот момент не было дыхания. Она появлялась, как чудо, из растопленного гипса, розовела, оживала, дышала... Он передал ее, как во сне, в руки врачей, влетевших в это крошечное пространство несчастья. Врачам пришлось силой разжимать его руки, отказывающиеся ее отдавать.

А вокруг уже работали. Полиция искала под разбитым окном, там лежала брошенная демонстративно пожарная лестница. Они снимали с крыши спортивный канат, по которому налетчики спустились и ушли. Уверенный парень представился частным детективом Кольцовым. Он вызвал полковника Земцова с бригадой и эксперта.

Алексей хотел поехать в «Скорой» с Аленой.

– Не имеет смысла, – сказал врач. – Ей окажут необходимую помощь, не волнуйтесь. Я вам позвоню, сообщу, в какую больницу ее доставили.

– Когда ее можно перевезти в хорошую клинику?

– Я думаю, Алену лучше положить в мою клинику, – сказал высокий худой человек, представившийся экспертом Масленниковым. – А пока буду с врачами на связи.

Смывать в закутке этой съемочной площадки застывающий раствор с одежды было бессмысленно. Алексей застыл под одеждой и без всякого раствора. Он оцепенел, как ему каза-

лось, навеки. До тех пор, пока не услышит команду: «Отбой». До звонка из мрака, куда чужие руки унесли Алену.

Эксперт собирал пробы воздуха, состава раствора, полицейские и частный детектив искали следы...

А Максим... Он повел себя неожиданно, удивил всех присутствующих. Режиссер бросился проверять свои камеры! И вернулся к ним с по-прежнему окровавленным, порезанным лицом, но с почти счастливой улыбкой.

– Все снято! Все оставляем. Потрясающий эпизод! У нас появились бесплатные исполнители.

Алексей смотрел на него, на валяющийся рядом топор, которым открывали и рубили дверь, и хотел шевельнуться. Если бы он мог шевельнуться, он бы взял на себя еще один грех, больший, чем прелюбодеяние. Он убил бы этого маньяка.

– Спокойно, – сказал Кольцов. – Дымов – профессионал и, конечно, в первую очередь думает о деле. Из больницы позвонили. С Аленой все хорошо. Она пришла в себя. Масленников закончит здесь и сразу поедет за ней. Иди домой. Будем тебе звонить.

Когда все разъехались, Сергей подошел к Максиму.

– Возможно, вы поняли, Максим, я расследую убийство мужа Алены. И череду преступлений, следовавших за ним. И теперь вот это... Надо разбираться вместе. Для начала: где у вас список жертвований на фильм?

– Везде. В планшете, на сайте, где я отчитываюсь.

– Какие суммы поступали?

– В основном небольшие. Крупный перевод один – два миллиона.

– Все от конкретных жертвователей?

– Да. Кроме этого, большого перевода. Он анонимный.

– Вам не показалось это странным?

– Да нет. Так бывает. Не все люди хотят демонстрировать свои доходы.

– Бывает. Хотя для богатого человека это не такая уж и большая сумма. Но я не представляю себе богача, который постоянно отслеживает новости культуры на «Планета ру». Это может быть какой-то очень преданный ваш зритель. Или поклонник таланта Алены. Или не таланта, а просто Алены. Вот если бы я был фанатом какого-то режиссера, но не хотел бы, чтобы весь свет знал, что у меня есть лишние два миллиона, я бы приехал к этому режиссеру и отдал бы деньги ему в руки. А вот если бы я был скрытым или отвергнутым поклонником женщины-актрисы, заинтересованным в том, чтобы она играла в этом фильме, я бы послал анонимно. Если бы я был ее врагом, мстителем и задумал какую-то ловушку – тем более поступил бы так же.

– Да, логично.

– Вот с этого и начнем, – сказал Сергей. – Они, кажется, не собираются останавливаться. Далеко зашли. Ни у кого возврата нет.

Часть третья

«Греческая песня» вскочило сердце на коня

*Вскочило сердце на коня и мчится поперек огня,
не уступая своеволью, переполняя сердце болью.*
Елена Фролова

Глава 1

За далью дым

Алена вернулась из больницы через три дня. Ее еще покачивало, подташнивало, но она позвонила Максиму, сообщив, что готова приступить к работе. Режиссер уже отремонтировал квартиру, разместил на сайте информацию о произошедшем. В финансовом плане они начали с нуля. Что и стало продолжением сюжета.

А сюжетом жизни Алены был Алексей. Их мучительный роман.

Алексей по-прежнему жил в семье. А на своей новой кровати-планете Алена царствовала одна. Без него – Валентина. И без него – его сына. Алексей вырывался из дел и семейных обязанностей, вырывался, припадал. Алена делала открытия за открытием. Страсть мужчины, который собирался прожить жизнь без страсти, это не любовь опытного мужчины. Это океан по сравнению с его отражением в снимке. Это огромный лесной пожар по сравнению с огнем в камине. Она растворялась в этом настолько, что находила себя только с помощью его рук, просыпалась только от жара его губ, трепетала и плакала от невыносимой нежности под его телом, над его телом. Изнывала всегда. Его прикосновение не кончалось...

Но наступал момент, когда ему нужно было уходить. К вечерней молитве, к семейному ужину, к своей комнате аскета. Аскета, который разнес в прах клетку своей укрощенной плоти.

Этот момент. Алексей получал Алену в свое безумное, полное распоряжение, а потом по своей воле оставлял – для него это было катастрофой. Разрушением какой-то хрупкой, идеальной конструкции, без которой можно жить, пока ты не увидел ее и не стал полноценным обладателем.

«Надо решаться, – понимал Алексей. – И лучше озвучить это самому».

Все равно очень скоро сплетня прилетит в их дом. Мать по-прежнему ревниво следит за жизнью Алены.

Он вошел в столовую однажды утром. Когда детей увела няня, Алексей, стоя перед близкими, сказал:

– Нам всем придется с этим что-то делать. Я люблю Алену. Настолько, что больше не могу жить без нее. Согласен со всеми обвинениями, со всеми требованиями. Согласен и с тем, о чем вы все сейчас подумали. Я – преступник. Но это уже данность. Такой же факт, как то, что моего отца, мужа Алены, нет в живых. А только его жизнь могла закрыть ее от меня. Полина, прости. Я буду рядом, все заботы о детях – это мои заботы.

– Это не тебе решать, допущен ли ты будешь к моим детям, – встала белая и непримиримая жена. – Грех, блудница, позор – все это не коснется моих детей.

Приговор был произнесен. Но это легче, чем ожидание приговора. Алексей провел черный день, но к Алене мчался, как граф Монте-Кристо из тюрьмы.

Ах, какая была ночь! И аскет, и эротическая актриса, воплощение сексуальных символов разных мужчин, попали в сад бесстыдства, самых изощренных желаний, полета к вершине, с которой так сладко и так томительно-упоительно лететь, опускаться в долину нежности на

планете желание. И опять, и до бесконечности. До самого жестокого утра. Когда жизнь призывает: оторвись ты от нее.

И Алене нужно отправляться на свою странную съемочную площадку. На Голгофу.

Глава 2

Новый спонсор

В день рождения отца Алексей вернулся с работы в их теперь общую с Аленой квартиру лишь к вечеру. Алена его ждала в своем траурном платье.

– Сними его, пожалуйста, Алена. Сегодня день рождения папы, а не годовщина смерти. Ему будет приятно видеть тебя не в трауре. Да и жарко очень. Надень то платье, которое ты хотела выбросить. Из черного японского шелка с маленькими цветами.

Алена переделалась. Задумчиво посмотрела на себя в зеркало. Платье из другой жизни. Шелк тоньше лепестка, рукава – маленькие крылышки, длина юбки до середины бедра. Да, пожалуй, это лучше. Валентин так любил это платье. Когда она его надевала, он говорил: «Вот так должен выглядеть голливудский подарок мужчинам».

Алексей прочитал ее воспоминание, как будто оно попало в его мозг. Она почувствовала отца. Острые ощущения, мягко говоря. С этим придется жить. Они мало говорили по дороге на кладбище. Как всегда, купили большой букет красных и белых роз. Алена расстелила их перед памятником. Отец смотрел на жену своим белым лицом с черного мрамора. Алексей сходил с ума.

И он сделал это. То ли осквернил могилу, то ли, наоборот, оскленил того, кому сейчас не дотянуться до своей прекрасной женщины. Он взял Алену прямо там, на этих розах. Она тосковала и стонала от невыносимого счастья. Нерасшифрованного пока, ни на что не похожего, такого, какого не должно быть.

На следующий день Алексей приехал в съемочную квартиру. Дверь была открыта. Алена и Максим сидели за столом и рассматривали фотографии актеров на мониторе. Они выбирали ей партнеров. Партнеров для любовных сцен. Видимо, кто-то у них будет играть отца, кто-то его, Алексея.

– Не помешал? – шагнул к ним Алексей.

– Очень рады, – ответил Максим. – Видишь, мы не снимаем. Рабочий момент. Отбираем исполнителей.

– А что, у вас появились деньги, чтобы им платить?

– Что-то капнуло, конечно. Но вообще актерам за работу я плачу после проката.

– И люди соглашаются?

– Алена же согласилась. Мне нужны именно такие, которые работают не ради денег. Все же у нас эксперимент.

– Сколько нужно на весь фильм?

– Миллионов шестьдесят голого бюджета.

– Продолжайте собирать на оплату труда людей. Я заплачу весь ваш бюджет. Проведем, как полагается, с налогами. По крайней мере, не будем думать о том, какой бандит к вам пролезет под видом спонсора.

– Не откажусь, – спокойно сказал Максим. – Просто немного поменяю алгоритм. Буду по-прежнему говорить, что оплата после проката, а на самом деле начну платить во время работы. Мы, режиссеры, люди очень суеверные, но чутье у меня есть. Картина принесет доход. Ее могут купить другие страны. А теперь, Алексей, давай оставим Алену, ей нужно дописать текст. Пройдем ко мне, в мою капитанскую рубку. Нужно кое о чем поговорить.

В своей «капитанской» квартире Максим достал бутылку коньяка и сигареты, поставил пепельницы.

– У нас возникла проблема. Понимаешь, Алена – очень профессиональная актриса, легко входит в образ. Но это был всегда другой образ. Профессионализм в таких случаях – это побыть другим человеком до перерыва на обед, до вечера, а потом вернуться к себе. Играть себя –

это каторжный труд. От себя не отдыхают. Воображение выдает только существующие эмоции. В общем, проблема у нас с любовным партнером. С тобой то бишь. Она подсознательно всех отвергает. Были пробы. Не пошло. Хорошие, опытные актеры. Она их знает, они ей нравятся, играли вместе именно любовные, эротические сцены. Но то были чужие жизни. А в своей она их не видит. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Ты всерьез? Да ты что! Я не только в драмкружке не играл, я презирал тех, кто это делал. Я даже кино не смотрю.

– Так мне именно это и нужно. И я не первый на данном пути. Феллини, Антониони брали в картины людей с улицы.

– Так если бы с улицы... У меня серьезный бизнес – финансовый проект, солидные партнеры. У меня жена-святоша. Я оставил семью и троих детей. Это такой скандал.

– Я сделал предложение. Ты или принимаешь, или нет. Все свои беды перечислять не нужно. Просто я думаю и о тебе. Разбираюсь в отношениях мужчины и женщины. Когда мы все же подберем этого партнера, а это рано или поздно произойдет, – сложно тебе будет, старик.

– Я уже схожу с ума, – признался Алексей. – Что нужно делать?

– Ерунда, – ответил Максим. – Любить Алену. Камер вы не увидите.

Алексей напряженно думал до конца дня. Потом до конца ночи. Впервые за все время жизни с Аленой он к ней не притронулся. Утром позвонил Максиму и сказал:

– Нет.

– Я тебя понимаю, Леша. В таком случае просто прошу не забывать, что кино – это не жизнь, что для Алены – это работа. Что она продолжится и после нашего эксперимента. Так что тебе придется учиться реагировать на все спокойно. А мы продолжаем пробы.

– Я могу смотреть материал?

– Конечно.

Глава 3

Партнер

У Сергея Кольцова появилась ниточка, так ему показалось. Фигурант из дальнего круга. Константин Осоцкий, российский бизнесмен, владеющий бельгийской авиакомпанией. Он был инвестором фирмы Валентина. Потом купил пакет акций. Стал претендовать на расширение своих полномочий. Боролся за право решающего голоса. Почему-то Валентин вдруг перестал ему доверять. Кольцов просмотрел почту убитого: в одном из электронных писем Валентин ясно дает понять Осоцкому, что хочет прервать эти отношения. У него появилась информация, что Осоцкий пользуется в Бельгии российской системой вывода своих же денег из-под государственного контроля. То, что он оформляет как инвестиции в бизнес Кривицкого, превышает в несколько раз реальную сумму.

Разоблачение такой аферы грозит Осоцкому потерей всего. И они с Кривицким договариваются о встрече, обговаривают конкретную дату. Но Валентина убивают за день до нее. Алексею и заместителю Валентина ничего не известно о том, приезжал ли Осоцкий.

А он в Москве был. Прилетел накануне убийства. Остановился у своей матери, в маленькой квартире у метро «Ясенево». Улетел через неделю. Никаких деловых встреч у него не было. Попыток говорить с кем-то другим в фирме Кривицкого не делал.

– Пока все, – отчитался Сергей заказчику.

Алексей знал, конечно, Осоцкого. Типичный бизнесмен из Европы. Суховатый, в меру доброжелательный, скупой в словах и жестах. Печати мошенника, которую бог ставит на лица множества отечественных бизнесменов, конечно, нет. Но раз отец хотел от него избавиться, значит, надо избавляться как минимум. И помочь следствию выяснять, с кем еще, кроме отца, он имеет дела.

Все валилось у Алексея из рук несколько дней. Потом он позвонил Максиму и сказал, что хочет посмотреть материал проб. Но Алену попросил отправить домой.

– Она не знает о твоём предложении мне?

– Нет, конечно. Сейчас пошлю ее отоспаться. Она уже качается от усталости.

Алексей приехал собранный, как для подъема на Эльбрус. Он ни о чем не думал, когда сюда ехал. Только стучали приказы мозга в темпе барабанной дроби: «Спокойно, спокойно, в любом случае спокойно».

И лицо его не дрогнуло, когда пошли кадры проб. Лица Алены и двух актеров, между которыми Максим делал выбор на роль ее любовника после смерти мужа. Это у режиссера называлось: не пошло. Этот трепет и томный протест Алены, которая борется с желанием, чтобы не изменить памяти мужа. Эти жадные взгляды мужчин. Они сейчас никакие не актеры. Их руки ищут ее, поднимают, разрывают ткани преград. Она вздрагивает от прикосновений...

– Хватит, – сказал Алексей. – Я на все согласен. Скажи, что делать.

– Эпизод называется «Случайная встреча». Снимаем в ночном парке. Она просто бежит по аллее в поисках мест, которые были фоном ее утраченной любви к покойному мужу. А он, то есть его сын, ищет ее. И случайно они встречаются. Только я в курсе встречи, я их вывожу друг на друга. Реакция... Такая примерно, как ты видел. Каждый актер играет эпизод сам, он в нем режиссер. Он ведет себя, как повел бы себя в жизни. А в жизни более опытного исполнителя этой роли, чем ты, у меня не может быть.

На следующую ночь они поехали на съемки разными дорогами. Алена не знала, с кем ей сегодня играть. Она даже не знала, что это не обычная проба. Впрочем, Максим тоже не знал. Но рассчитывал, что если получится, то это будет снятый материал.

Алексей шел по темному парку. Ему казалось, что он заблудился. Ему стало страшно, что он ее не найдет. И вдруг ее фигурка мелькнула между деревьями. И, как всегда, все разле-

телось в прах: его бывшая жизнь, его серьезная работа, его сдержанность и хорошие манеры. Она только ахнула в его руках. А потом... Он пытался себя обуздать словом «камеры», но какие, к черту, камеры! Летели в траву ее тряпочки и балетки, его руки скользили по ее ногам. Находили свою и только свою сладость, свою блаженную плоть...

– Я счастлива, – шепнула Алена.

– Снято, – услышали они голос Максима.

Глава 4

Тайна Константина Осоцкого

Утром на работе Алексей взглянул на экран телевизора в приемной секретарши и увидел там скорбное и страстное в своем хроническом фанатизме лицо жены. Шла какая-то православная передача, на них Полину приглашали часто. Он прислушался. Полина призывала вносить пожертвования благотворительному фонду помощи онкологическим больным – взрослым и детям – в хосписах, центрах, больницах. Жена называла имена и фамилии, на экране появлялись изможденные лица, врачи называли суммы, необходимые для операций и реабилитаций.

– Вера, сохрани, пожалуйста, реквизиты для помощи, – сказал Алексей секретарше, – я потом перечислю.

Он собирался войти в свой кабинет, как вдруг услышал, как Полина говорит:

– Нам очень помогает один из учредителей фонда. Константин Осоцкий. Уже десять онкологических больных получили помощь в клиниках Бельгии, Израиля, Германии, спонсором которых он является.

Алексей сел за компьютер и начал искать информацию по благотворительному фонду «Благодать». Название это он слышал впервые, а ведь он по рекомендациям Полины постоянно жертвовал деньги на подобные проекты. Фонд оказался зарегистрированным на матушку Екатерину, настоятельницу женского монастыря в Суздале. Среди учредителей немало известных фамилий – финансистов, политиков не только России. В правлении действительно есть Константин Осоцкий. Исполнительный директор – та же матушка Екатерина. Она же Екатерина Петровна Истомина.

Алексей позвонил Кольцову.

– Это даже не информация, – сказал он. – Я просто немного удивлен, что ничего об этом не знал. Вот сейчас посылаю деньги этому фонду впервые.

– Пока, конечно, не информация, – ответил Сергей. – Но это тот самый случай, когда дальний и ближний круги соприкоснулись. Я посмотрю, что есть по этому фонду в целом, настоятельнице и учредителям в частности.

Алексей долго думал после разговора с детективом. Он привлекает интерес следствия к собственной семье. Он не сомневается в том, что Полина не имеет никакого отношения ни к Осоцкому, ни к каким-либо заговорам против отца и Алены. Она берется популяризировать благотворительную деятельность, поскольку ей предоставлена трибуна. Но теперь, возможно, ей придется давать показания, если там что-то найдут. Найти могут. Темное болото – эти фонды, любому честному финансисту известно. Зачем он усугубляет свое чувство вины перед семьей? Но по элементарной логике: задача не может быть решена, если прикрыть рукой часть условия. А чувство вины, сочувствие близким людям, чью участь он усугубляет, – это все же гораздо меньшая мука, чем сознание того, что над головой Алены висит тот же меч, который унес жизнь отца. И если есть на свете шкала близости, то на ее пике они вдвоем – он и Алена. Все остальные расположились на ступеньках души настолько ниже, что просматриваются чуть-чуть даже в такой острой, болезненной ситуации. Так, оказывается, бывает, когда любовь, нежная и горячая, спускается облаком на все остальные привязанности и давит их, как чугунный и безжалостный каток.

Приговор, который вынесла Полина Алексею своим запретом видеться с детьми, чтобы оградить их от порочного отца и греха, он решал просто, как обычную сделку. Успокоился и поставил бывшую жену перед выбором: или она получает алименты по закону, или они подписывают договор на совсем другие деньги – на каждого ребенка в отдельности в зависимости от того, что им нужно. Во втором случае Алексей проводит в своем бывшем доме сутки в неделю, может брать к себе детей, ездить с ними в отпуск. Непримируемая Полина согласилась на вто-

рой вариант сразу. Договор юристы Алексею подготовили, сейчас она его подпишет, а потом нужно набираться мужества и приходить в дом, где живут его дети, терпеть вражду и осуждение взрослых членов семьи. Дети тем и хороши, что могут тяжелую ситуацию принимать как данность. Они по телефону все время говорят, что любят и ждут папу.

И вот теперь, когда начнется проверка этого фонда, Алексей становится кем-то вроде осведомителя в собственной семье.

Чтобы привести в порядок мысли и чувства, он набрал номер Алены. И сказал, как тогда отец из рабочего кабинета:

– У тебя все в порядке, моя шоколадная детка?

И услышал свой голос со стороны. Любой бы содрогнулся от тайного вожеления, из-за его интонации. Отец тоже содрогнулся бы. Такого предвкушения и призыва еще ни один мужчина не вкладывал в простые слова. Вот, кажется, все и встало на места. Семья Алены, ее опора и защита – только он. Это решает все.

Позже он вызвал сотрудника своего отдела, который вел дела с Осоцким, и сказал ему, чтобы тот от имени отдела предложил постоянные субсидии благотворительному фонду «Благость». Сотрудник позвонил через полчаса и сказал, что Осоцкий отказался, объяснив это тем, что давно отстранился от дел в этом фонде. Причину не назвал.

«А передача была сегодня», – подумал Алексей.

Глава 5

Случайные встречи

Максим сказал Алене и Алексею, что им пора появляться вместе на людях.

– Дело не только и не столько в нашей картине. Дело в том, что вы не можете жить бесконечно в своей норе, ходить партизанскими тропами. Если не приучать людей постепенно к изменению ваших отношений, то слишком бурный скандал обрушится в один день. Это может быть день, когда мы покажем наш фильм. Для меня большой скандал – это большой успех. Но я думаю о вас.

– Я тоже думаю об этом, – сказал Алексей.

– Что касается моего творческого интереса, – продолжил Максим, – то хочется, чтобы Алена вернулась в круг людей, с которыми встречалась, когда жила с Валентином. Она может что-то вспомнить, кто-то даст интересную реакцию при встрече... Кстати, это нужно и следствию. Я общаюсь с детективом Кольцовым, он мне говорил, что воспоминания Алены как будто заблокированы. Она вспоминает какие-то имена, фамилии, но эмоциональные впечатления вытеснены собственными переживаниями последнего времени. С вами рядом будут камеры, но никто, кроме вас, не будет в курсе. Других лиц в кадре не увидят. Так я все сниму. Потом заменю реальных людей актерами, вмонтирую крупные планы.

– Может, и получится, – сказала Алена. – Мне ни о чем не говорят знакомые имена. За мной выжженная пустыня.

Алексей и Алена пришли на вечер по случаю юбилея корпорации, основанной десять лет назад Валентином Кривицким. Они вошли, когда все были в сборе. Стояли парами и группами в большом конференц-зале, обставленном для фуршета. Алена была в платье из серого шифона с розоватым, жемчужным отливом. Алексей – в костюме темного серого цвета.

Они спокойно остановились у входа, осматриваясь, разговаривая, никто не мог представить, каких усилий им стоит удержаться на этом пороге, пока еще есть возможность просто развернуться и уехать к себе. А через пару минут такая возможность исчезла. К ним шли с приветствиями со всех сторон. Радость встречи была демонстративной, преувеличенной. Так ведут себя люди, которые хотят показать, насколько они выше сплетен, предвзвешенных, насколько они свободны и демократичны.

Как бы то ни было на самом деле, что бы эти люди ни говорили за их спиной, но напряжение ушло. Почему бы людям не радоваться встрече с ними? Они доброжелательны, красивы, интересны многим, они ничего плохого не сделали. Всего лишь полюбили.

Первым поцеловал Алене руку, почтительно склонив голову, Григорий Зимин, руководитель корпорации, бывший первый зам Валентина. Это был полный, степенный мужчина, с бледным, одутловатым, нездоровым лицом. О нем знали мало. Но всем было известно одно: это человек с феноменальными способностями экономиста, за что его очень ценил Валентин. В остальном, собственно, он никого и не интересовал. Замкнутый человек – так все гении замкнутые. Алексей Зимины очень уважал. Он смотрел сверху вниз на лоб Григория, покрывшийся крупными каплями пота, и думал о том, как все изменилось. Сейчас Григорий для следствия главный подозреваемый, и для Алексея в любой момент может стать врагом. Из-за отца. Из-за Алены.

Потом подходили другие мужчины, женщины, пары. Никто, конечно, в такой день не мог не выразить Алексею свою преданность. Независимо от того, что его отец оставил после себя руководителем другого человека, всем известно, что истинным владельцем остается Алексей. И в том, что Алексей рано или поздно возглавит корпорацию, не было никаких сомнений. Это понятно, как и та любезность, которую люди торопятся выразить его женщине. Но главным в отношении к Алене было другое. Ее новый статус вызывал сильные эмоции, он возбуждал этих

людей. Содержанка, такая красивая, такая соблазнительная, такая вроде бы теперь доступная и беззащитная после роли строго охраняемой жены сильного человека. Никто не верил, что Алексей женится на ней. Все знали его аскетическую доктрину во всем, что касается семейных ценностей. Но он пал настолько, что не скрывает своего падения. Он снимается в фильме с этой эротической актрисой. А такая ситуация будоражит.

Алексей вынес этот вечер, а Алена ночью не спала. Она смотрела в темноту, и между бровями появилась морщинка глубокой задумчивости.

– Ты что-то вспомнила? – спросил Алексей.

– Да, я что-то вспоминаю. Как странно: оказывается, какие-то куски жизни могут просто умереть в памяти, а потом в одну минуту воскреснуть.

Утром к Алексею в кабинет вошла Лидия, его заместитель. Это была протеже отца, он рекомендовал Алексею эту очень опытную работницу и проницательного, серьезного человека, чтобы она страховала его в сложных ситуациях.

– Алексей, я кое-что приготовила для тебя. Это касается вчерашней вечеринки. Понимаешь, ты настолько доверчивый человек, что всем веришь, не сомневаешься в своих сотрудниках. Но тебе нужно знать, что на самом деле представляют собой люди, как на самом деле они к тебе относятся. Даже у твоего отца оказались враги, возможно, здесь, рядом. Мне хотелось бы тебя предостеречь. Просто чтобы ты был внимательнее и осторожнее. Короче, я вчера включила диктофон после того, как вы с Аленой ушли. Ночью расшифровала и записала с указанием авторства то, что говорили о вас. Ненормативную лексику заменила точками. Но она любопытна сама по себе. При тебе ведь никто не выражается матом.

Прочитать то, что принесла Лидия, Алексей сумел лишь вечером, когда все разошлись. Он запер свой кабинет и попал на ярмарку жестокости, зависти, недоброжелательности и ущербной похоти. Счастье, что хотя бы Григорий в этом не участвовал.

«Пантелеев: «Похоже, этот святоша разговелся по полной программе».

Жена Пантелеева: «И продолжает это делать с большим удовольствием».

Симонов: «А если бы тебе папаша оставил такой подарок, ты что – пошел бы в монастырь?»

Пантелеев: «Да, старик. Я бы сходил с ней в монастырь. Чтобы без помех... Чтобы ее в грубой форме».

Жена Симонова: «А мне было противно. Такой интересный, недоступный мужчина и так расплывается от одного взгляда на эту...»

Жена Пантелеева: «Да ты просто завидуешь ей, у тебя от него слюни всегда текут, а твой Пантелеев, посмотрев на Алену, бегал почему-то три раза в туалет. Я считала. Без обид, ребята. Я пошутила».

Ибрагим Шукуров, гость: «Очень уважаю Алексея. И Алену, его подругу, знаю не один год. Она красавица, исключительная женщина. Чтобы при мне ни одного плохого слова о них больше не звучало. Вы меня знаете».

И подобных диалогов на три страницы без абзацев. И все – культурные, доброжелательные, казалось бы, такие искренние люди.

– Кто такой Шукуров? – позвонил Алексей Лидии.

– Это друг Зимины. Бывает на наших вечеринках. Бизнесмен, родом из Азербайджана. К Алене и при Валентине относился с заметной симпатией или даже восхищением... Ты просто не бывал раньше на корпоративах, поэтому его не знаешь.

Часть четвертая

Падение к свету

Глава 1

Связь

Алексей подал заявление на развод, но расписываться с Аленой пока не планировал. Она такую мысль отталкивала от себя. Одно дело, когда вдова просто выходит замуж, хотя и в этом случае требуется выдержать время для приличия. И совсем другое дело, когда преемник покойного мужа – его сын. Да еще со своей такой сложной семейной историей.

Однажды она спросила у Алексея:

– Что у нас, как тебе кажется? Как называется то, что мы вместе?

Он почти не думал. Ответил сразу, как будто не раз отвечал на тот же вопрос:

– Связь. У нас связь. Связь тел, сердец, дыхания, мыслей. Она такая бесконечная, очевидная и независимая ни от чего, что с ней не сравнятся никакие штампы, договоры, обязательства и клятвы. Мне кажется, она и от нас не зависит. Я хочу к ней привыкнуть, поладить, как-то приспособиться к ней. Это слишком сильно. Ты меня понимаешь?

– Да. Конечно. Я тоже так бы это назвала: жестокая и упоительная связь.

А Максим так назвал следующую часть фильма. И никого из них это не удивило. Они втроем были настолько в одном материале, что и думали одними словами. Он уже подбирал актрису на роль жены Алексея. Но старался отойти от прототипа как можно дальше, чтобы избежать малейшего сходства с реальной ситуацией.

Наступил тот день, те самые оговоренные сутки, которые Алексей должен провести со своей семьей, с детьми. Он продумал все до мелочей. Распланировал время: прогулки, развлечения, разговоры. Тщательно выбирал подарки, предварительно обсудив с детьми, что их больше интересует.

Перед отъездом вечером в пятницу он с такой страстью, нежностью и тоской целовал Алену в их квартирке, как будто уезжал на год. Но ведь они действительно практически не расставались в последнее время. Совместные вечера и ночи. Днем часы на съемочных площадках Максима. Она пыталась скрывать, насколько напряжена, как ноют и сигнализируют нервы, как болит сердце. Алена не боялась, что он там останется, раскается, пожалеет о том, что совершил. Она просто видела этот дом, эти комнаты, которые он обставлял вместе с другой женщиной. Этих детей, которые родились, потому что он этого хотел. Уклад, который пять лет был его укладом и нравился Алексею. И самое печальное: Алена ведь до сих пор его... мачеха.

Эту боль до конца не поймет ни один, самый чуткий и любящий мужчина. Это наука: что приходится пережить любовнице, когда возлюбленный отправляется в свою прошлую жизнь. Какие детали, варианты событий, вероятности преподносит несчастной воспаленный мозг. Скоро ночь. Потом еще одна ночь. Как можно исключить то, что Алексей, с его чувством вины, с его желанием урегулировать отношения с Полиной во имя контакта с детьми, не захочет утешить жену, подарить ей эту или следующую ночь? Они ведь даже не разведены официально.

Алена ждала одного: пусть скорее наступит утро воскресенья. А Алексей, отъехав от дома, радовался, что скоро увидится с детьми. Он собирался по-хорошему поговорить с женой и матерью. Начинать растапливать лед между ними. Предстоящие ночи его тоже очень беспокоили. Но по другому поводу. Он знал, что опять будет пылать на том же костре нестерпимого и неудовлетворенного влечения, как тогда, когда о близости с Аленой даже не позволял себе мечтать. И это... Он ей, конечно, верил. Но Максим знает, что она остается одна, узнают и

другие члены группы, актеры. Им наверняка захочется скрасить ее одиночество. В этом ничего плохого, кроме... Кроме того, что Алексею начинает предлагать распутившееся воображение.

Так тяжело расставались они в первый раз. Алексей знал лишь одно. Он все это вынесет, но не украдет у детей ни секунды обещанного времени. Любая мука легче вины перед ними.

Дети и облегчили, украсили встречу с семьей. Все было ярко, естественно, Алексей так соскучился по ним, что на несколько часов забыл, что жизнь изменилась. И вдруг, во время разговора с детьми, смеха, игры, в мозгу больно, остро и невыносимо четко всплывали имя «Алена», ее лицо там, куда ему еще так долго не дотянуться. Они даже договорились, что он не будет звонить.

Мать Алексея, хотя и держалась холоднее, чем обычно, тоже явно ему обрадовалась. Да и Полина, сдержанная и суховатая, как, впрочем, всегда, выглядела спокойной. Все же это начало стабильной системы, которая может меняться к лучшему. Нормальные надежды жены порядочного человека: нужно переждать, пока переберется, как говорят о мужьях простые бабы.

Вечер пролетел быстро. Ночь была бессонной, но не мучительной, а заполненной до мгновений. Алексей каждым нервом, каждой мыслью, каждой клеточкой тела обращался к образу Алены: выдыхал слова любви и желания, просил о нежности и даже жалости. Она впервые ему понадобилась, женская жалость, – ему, такому до сих пор самодостаточному мужчине.

Субботнее утро полетело по подготовленному плану. Прогулка на катере по Москве-реке, аттракционы в парке, лучший детский ресторан с праздничным обедом и мороженым на каждый вкус. На обратном пути – магазины и подарки. Детям явно нравился такой воскресный папа. Никогда он один не посвящал им столько времени, так не баловал. Обычно рядом всегда была Полина. А это совсем другая история. Она во все развлекательные мероприятия умудрялась внести стальные рамки требовательности, строгости, своих представлений о приличиях.

Легкий и быстрый, как танец, темп праздника-встречи сбился в субботу вечером. И не просто сбился. Для Алексея это стало потрясением. Бедой.

После ужина Полина увела детей в комнату занятий и ее воспитательных часов. Она там готовила детей к существованию в мире догм, запретов, в теории возмездий и наказаний. Он никогда не присутствовал на этих беседах. В этот день ему показалось, что занятие слишком затянулось, возможно, именно для того, чтобы детей оторвать от него.

Алексей тихо постучал, резкий голос Полины не прервался, наверное, она стука не услышала. И Алексей вошел, остановился на пороге. Дети сидели вокруг круглого журнального стола, на котором были разложены брошюры с яркими картинками. Полина цитировала какие-то тексты. О грехе и наказании блудниц! Она это говорила маленьким детям. А на картинке, которую она показывала, была изображена обнаженная женщина, привязанная веревками к деревянной скамье. Ее хлестали розгами бородатые мужчины в рясах. Не только откровенный садизм и бесстыдный цинизм картинки потряс Алексея. Женщина на иллюстрации была окутана каштановыми локонами, а на ее нежном лице были мука, страх и боль. Она была странно похожа на Алену. Алексей смотрел на жену и понимал, что картинка выбрана не случайно. Что дело именно в этом сходстве. Младшие дети – Валентин и Варя смотрели с детским испугом, а старшая дочь Маша кусала губы, в ее глазах были слезы и жалость.

– Извини, Полина, я прерываю твоё занятие, – спокойно сказал Алексей. – У нас с детьми осталось совсем мало времени до сна, а утром я уеду, когда они будут спать. Дай нам попрощаться и договориться о планах на следующую субботу. Дети, приходите в столовую, я привез вам хороший фильм. Сейчас вернусь.

Когда дети облегченно, со всхлипами вздохнули и радостно бросились прочь от маминой науки, Алексей подошел к столу и медленно поднял брошюру с картинкой экзекуции. Посмотрел, какое издательство это издает. Прочитал: «По заказу фонда «Благодать».

– Ты не могла бы мне сказать, Полина, что это за мерзость? Что за самодеятельные позорные картинки? И как ты посмела показывать это моим детям? Ты довела Машу до слез!

– Как ты разговариваешь? – прошипела Полина. – Ты называешь мерзостью церковные брошюры.

– О нет, – сказал Алексей. – Я возьму сейчас эту книжонку, отправлю ее на экспертизу, покажу детским врачам и психологам. И получу заключение по поводу вреда, который кто-то с твоей помощью пытается причинить детским душам. И аналитики по делам религии согласятся со мной в первую очередь.

Полина попыталась выхватить у него брошюру, но он уже положил ее в нагрудный карман пиджака. А ее руку придержал.

– Подойди к зеркалу и посмотри на свое лицо. На его выражение. Я скажу тебе, когда видел такое выражение. Это было однажды. Сверкающие глаза и белые губы. Не помнишь? Я напому. Ты тогда, первый и последний раз в нашей супружеской жизни, испытала оргазм и даже не поняла, что это такое. Ты сейчас переживала то же иступление. Но это ненормальное, фанатичное иступление. И мы оба понимаем, почему ты выбрала эту картинку с женщиной, похожей на Алену. Какая подлая, грязная месть. Дети ведь приедут к нам, они ее увидят, все вспомнят и поймут. Берегись, Полина. Я предложил тебе мирное сотрудничество ради детей. Ты приняла его на определенных условиях. Будешь нарушать, узнаешь, что такое война.

Полина посерела. Перед ней стоял враг. Она действительно допустила страшную ошибку, не отказав себе в удовольствии провести этот урок во время его свидания с детьми. Она уничтожила его чувство вины и возможное раскаяние, вызвала настоящий гнев. Полина поверила в его угрозы.

Алексей исправил настроение детей. Фильм был увлекательный и смешной. Они вместе смеялись, угадывали дальнейшее развитие событий. Простились на ночь без грусти, зная, что через неделю встретятся вновь. И будет им еще лучше, чем в эту встречу.

И он ушел в свою спальню, в свою ужасную ночь. Сна опять не было. Но был бред с мельканием чудовищной картинки, но перед глазами была не картинка с похожей на Алену натурой, а именно Алена. Он видел ее и даже слышал ее стоны. Он метался в поту, в предчувствии чего-то страшного и задыхался от чужого вожделения, которое окружало их беззащитный союз, их трепетную и уязвимую для самых грязных, агрессивных и мстительных взглядов связь. Связь, которая выше, чем сама любовь, горячее, чем само желание. Алексей ее ощущал как самую загадочную бесконечность.

Утром из машины он позвонил Сергею Кольцову и рассказал ему, какую «воспитательную» литературу заказывает фонд «Благость».

– Любопытно, – ответил Сергей. – Я посмотрю. Получается, что твоя жена связана с этим фондом не так уж случайно и эпизодически. Я без версий и подозрений это говорю. Представляю, как подобные псевдорелигиозные структуры расставляют сети для доверчивых или фанатичных людей. Эта связь становится все более очевидным фактом.

Еще один человек произнес слово «связь». Похоже на наваждение.

Глава 2

Похищение Прозерпины

Наступил день, когда Максим показал часть отснятого материала аудитории. Этот самый первый показ снятого материала режиссеры называют «для пап и мам». Для актеров, фотографов, знакомых кинокритиков, представителей проката. Он еще не делил материал на части, даже еще ничего не резал. Самым главным для него было увидеть, состоялся ли эффект внедрения зрителя не в кино, но в реальность, чужую реальность, которая затягивает и тащит за собой, как светящаяся разгадка чего-то самого главного. Как влюбленность в героиню, в актрису, которая наконец дарит зрителю не только возможность перевоплощения. Она дарит ему себя, свою жизнь до капли. А снятый материал – пока документ, просто живые люди. Ни актриса, ни режиссер не знают, что им преподнесет завтрашний день.

И это явно получалось. Кружева тонкого и печального текста Алены за кадром переплетались с подобранными мелодиями, приподнимались над сценами любви, пламенели от непридуманной страсти. Эти кружева съезжились от ужаса, боли и страха в сцене нападения на нее налетчиков-грабителей. Начиналось все эпизодом реальных похорон Валентина. А вместе получалось действительно нечто невероятное. Так казалось даже Максиму, создателю. Но слов для определения он не находил. После показа встал в полной тишине известный критик с седой бородкой и веско произнес:

– Я не берусь, Максим, сейчас точно сформулировать, как называется то, что вы делаете. Просто по первому впечатлению: это очень близко к шедевр. То есть ты выполняешь свое обещание. Такого напряженного психологического действия, такого интима на грани безумия, заразного для зрителя, при очень корректных, изысканных методах съемки, такого внедрения криминальной линии я, кажется, и не припомню. Если разделить все это на части, могу, конечно, привести более сильные примеры, но вместе... С эффектом документальной съемки... Нет, не назову ничего подобного.

После этой оценки говорить больше никому не хотелось. Просто вставляли очень задумчивые, серьезные люди и пожимали Максиму руку.

Задержались после всех лишь Кирилл Соколов, первый муж Алены, и фотограф Коля Стоцкий, который должен был с Максимом выбрать эпизоды для рекламной «приманки».

Кирилл негромко спросил:

– Макс, ты помнишь, что я – актер по образованию и даже неплохо поработал в этом качестве до того, как занялся режиссурой?

– Конечно.

– Думаю, ты меня понял. Там был разговор о плохом первом муже. Если решишь – только свистни. Вряд ли найдешь лучшего исполнителя. Я готов пережить заново весь кошмар нашей жизни. И встретиться на площадке с этим счастливчиком-дилетантом, который ни счастливчиком, ни дилетантом не кажется. А для пиара такой скандальный выбор режиссера – это то, что надо. Взрыв мозга зрителей.

– Интересное предложение, Кирилл. Но ты понимаешь, что я должен этот вопрос решить с Аленой и ее партнером.

– Жду вашего решения. Брошу все. Так хочется примазаться к твоему шедевр, – улыбнулся грустно Кирилл. – Свои мне уже не светят. Да и по Алене соскучился, как сейчас понял.

– Последнее немного настораживает, учитывая...

– Ты хочешь, чтобы алкоголика и драчуна играл добропорядочный трезвенник-язвенник? По тому, что ты уже снял, мне так не показалось. Ты не очень-то бережешь Алену от сильных потрясений.

– Не берегу, – согласился Максим. – Она и сама себя не бережет. Но если вдруг мы решим, Кирилл, тебе придется подчиняться моему диктату, а не своим привычкам. Ты же режиссер, должен понимать, что эффект реальности получается тогда, когда все взвешено до мелочей, выверена каждая деталь. Я не знаю, что скажут, как обнимут друг друга мои герои, но я знаю, чего быть не должно. Что не впишется в ткань картины.

– Понял, шеф.

Максим протянул Кириллу руку, посмотрел ему вслед. Он прав. Еще один человек, который должен играть только самого себя. Вот почему он не вписывался в чужие идеи и стал режиссером.

С Колей Максим поработал очень плодотворно, как всегда, на одной волне. Фотограф видел всегда то, что нужно. Те кадры, которые станут не просто «заманухой», не просто посеют зерна любопытства, а смогут взять своего зрителя в плен. Именно своего, других не нужно. Разбудят умное воображение, воспалят эмоции тех, кому они даны. Один кадр Коля попросил подержать подольше, потом опять вернулся к нему, хотя он уже был отобран. Это была сцена с Алексеем в квартире, на темно-синей атласной простыне. Алена, обнаженная, была снята целомудренно: часть бедра, талия, немного грудь, запрокинутая голова, припухшие от любви губы и почти страдальческая гримаса на лице. Подбородок вздрагивает, как от боли. Алексея в кадре не видно. Лишь его руки сжимают Алену, встречаются на ее бедре, практически впи-
ваются в нежную кожу.

– Тебе ничего не напоминает этот кадр? – спросил Коля.

Максим сначала пожал плечами, потом посмотрел свежим взглядом и неуверенно про-
изнес:

– Какая-то картина или скульптура, да? Очень известная и знакомая, просто название вылетело из головы...

– Да, – кивнул Коля. – «Похищение Прозерпины» Джованни Бернини, гениальная скульптура. Оживший мрамор. Он сам говорил: «Я добился того, что мрамор стал податливым, как воск». Я просто вздрогнул, когда увидел этот кадр. Как ты здорово его задержал. У меня сразу мелькнула идея. Не хочу продавать это как «замануху». Я сделаю из него свой шедевр. Огромный снимок-полотно. У меня персональная выставка работ скоро. Потом будут выставки в Риме и Париже. Это будет выглядеть картиной, я назову ее «Похищение Прозерпины» и дам описание: такой-то фильм, такие-то актеры снимались.

– Здорово, – сказал Максим. – Это может получиться. Самому стало интересно. Давай.

– Я могу ее продавать, если будет хорошее предложение? Половина на твой фильм.

– Конечно. Если предложение будет хорошим, то половины слишком много, – рассме-
ялся Максим. – К тому же почти не сомневаюсь в том, кто тебе такое предложение сделает. Наш спонсор, он же партнер и любовник Алены. А для сюжета это такой прелестный эпизод – выставка, реакция людей, покупатели... И в этом смысле интересны именно другие покупа-
тели, а не Алексей.

– Вот и я так думаю, – заметил Коля. – Интересны другие покупатели.

Глава 3

Рвется нить

Сергей Кольцов вернулся из Суздаля. Он не был в женском монастыре, он пока, что называется, рыл вокруг него. Этот монастырь за чертой города напоминал маленькую крепость на огромном участке хорошей земли с полями, садами и современным офисным зданием. Парк служебных автомобилей, клерки.

Знали об этом монастыре в городе все. Праздный молодой человек, который слонялся, осматривая достопримечательности, и задавал разные вопросы, для многих стал долгожданным поводом поговорить. Скучной была жизнь провинциальных горожан, многие из которых потеряли работу и находили возможность подработать как раз в монастыре. Там требовались руки, фермерские продукты, водители, там была жизнь.

Вернувшись домой, Сергей уже точно знал, где и какую информацию нужно запросить, в какие архивы за какой период внедриться. Информация была не самая благостная. Собственно, и особенно выделяющейся она не была. Только однажды Сергею довелось увидеть подобное учреждение, к которому не было вопросов. Старый священник вложил все свои сбережения за жизнь и деньги, полученные от продажи городской квартиры, в дом для женщин-инвалидов и приют для их детей. Работал сам – с женой и двумя дочерьми. По телевизору денег не просил, ни с кого не собирал, умудрялся и лечить, и давать образование детям. Помощь принимал от фермеров продуктами, от врачей лекарствами и профессиональными бесплатными услугами, от учителей преподаванием в своей маленькой школе. Вот его, того батюшку, трясина не трясина – ничего подозрительного не нароешь. Он даже не интересен был проверяющим органам. Но фонд «Благость» выглядел несколько иначе. От этой крепости веяло бизнесом. Достаточно крутым бизнесом. Иначе и быть не могло при таких учредителях. Они реально вкладывались. Значит, есть смысл. И возможность объяснить этот смысл верой.

В общем, еще не ниточка, а ее предощущение точно.

Первым пунктом в плане действий с утра у Сергея значился архив местного суда, где пару лет назад в закрытом заседании рассматривалось какое-то скандальное дело, касающееся фонда. Жители города знали мало: охранники монастыря – а это приличная такая гвардия – отгоняли тогда любопытных и журналистов за версту от здания суда.

А пока Сергей пил холодное пиво и задумчиво смотрел на телефон. Его жена Настя с сыном Олегом сейчас на симпозиуме в Калифорнии. Настя вернулась к своей прежней профессии. Вдруг решила, что адвокат – это больше не ее призвание.

Сергей слишком хорошо понимал, когда и почему возникло это решение. В начале их совместной жизни Настя хотела быть с ним рядом всегда и во всем. Они и были настолько рядом, что близость казалась вечной и защищенной от всех разрушительных бед. Беды и не случилось. Мелькнула тень. И Сергей надеялся, что Настя так к ней и отнесется, как к тени в солнечный день. Тень просто проходят, идут дальше, взявшись за руки, как собирались. Ведь не было ни измены, не было нарушенных обещаний, даже озвученных слов – не было.

А что было... То, что называется и объясняется простым словом «наваждение». То, что появляется ниоткуда, исчезает в никуда. Ни от кого не зависит, ничему не подчиняется, крутит людей по своему плану. Вот что называется наваждением. Появилась у Сергея клиентка. И дело было не в ее красоте, хотя она была необычайно красива. Женщина по имени Берта обладала магической притягательностью для всех, кто ее окружал. Эффект был усилен тем, что она сама об этом не догадывалась, просто не задумывалась. Ей было не до того: она попадала из одной истории в другую. Сергей, Земцов, эксперт Масленников, вся их команда была по уши в делах по разгребанию опасностей, созданных на пути Берты. И слишком поздно все заметили, как далеко завели их сочувствие, жалость и тревога. Даже мудрый и все знающий Масленников не

смог объяснить, как это возможно: целый коллектив сильных, стойких, опытных и порядочных мужиков пали жертвой гипнотического влечения к одной и той же женщине. Этого не заметила только сама Берта. И они долго друг перед другом пытались это скрыть. А жены, их прекрасные, умные, преданные жены, – все прочитали как по бумаге. При этом ни одна из них Берту не видела. Дело то закончилось. История была кровавая, с потерями, но те, кто выжил, вернулись к обычной жизни, к обычным отношениям¹. После боя главный приз – это семейный уют и тепло. Прочный тыл.

И только Настя не оттаяла. Прошло много времени, но доверительность не вернулась в их союз. И объясняться было бесполезно, понимал Сергей. Настя знала, что Берта – женщина другого мужчины, что у нее с Сергеем ничего не было, что она даже не знала о том, что стала проблемой в чьих-то семьях. Для Насти имел значение лишь один факт: Сергей не устоял. Пусть тайно, пусть пытался скрывать даже от себя, но он не устоял. И потеряла смысл профессия, которая приблизила Настю к мужу так близко, что они стали практически одним целым. И умерла иллюзия. А Настя была таким строгим ученым, что для нее иллюзия была конкретной величиной. Она включила ее в уравнение их судеб. Вот и уехала она с Олежкой, сыном, в другую страну, в свою профессию, к своим коллегам. Ей с ними было теперь проще и яснее, чем с Сергеем. И с этим ничего не поделаешь.

Звонила она редко, программа там была плотная, к тому же разница во времени. А разговоры стали короткими и прохладными. Сергей грустил, ему было одиноко и тоскливо в своем, таком звонком и радостном недавно доме. Даже собак забрала на время его мама за город, потому что ему некогда за ними ухаживать. Но самой большой проблемой была непреклонность его нежной и мягкой жены. Тот самый случай. Настя – кроткая. Но на отмену приговора надеяться нечего. Она не знает пути назад. А как жить с доверчивым человеком, который перестал тебе доверять и не собирается себя ломать?

Такая тяжесть повисла на сердце у Сергея, что даже пошутить давно и ни с кем не хотелось. Он задумчиво прошелся по комнатам, заглянул в бар. Там пусто. Выйти за выпивкой было жизненно необходимо. И тут раздался звонок.

Настя была верна себе. Сказала четко, как на лекции по физике:

– Сережа, я встретила здесь сокурсника. Леню Комарова. Мы поняли, что любим друг друга. Еще со времен студенчества. Просто не осознали этого раньше. Мы чувствуем друг друга. Я чувствую то, что ушло у нас с тобой. Прости. Я остаюсь с ним. Он живет в Калифорнии. Олег согласен жить с нами. Он тебе потом позвонит. Надеюсь, ты не будешь против.

– О чем ты, Настена, дорогая. Как я могу быть против?..

Сергей очень хотел пошутить, но у него не получилось. У него с трудом получилось не заплакать. У железного ковбоя-сыскаря глаза ослепили от слез. Он шел в магазин за выпивкой, сгорбившись и шаркая ногами, как старый, контуженный солдат, брошенный всеми на чужой земле. У него ничего не осталось! У него рвалось сердце. Но он не хотел, чтобы Настя передумала и вернулась. Теперь и он не сможет забыть вот это. Как его бросили одного на ставшей сразу чужой территории. Это предательство. Это незаслуженно жестокий приговор. Он тоже сумеет не простить. А вот о сыне, об Олежке, думать невозможно. Мозг взорвется.

Позвонил телефон, и Алексей спросил:

– Как съездил, Сережа? Не нашел ниточку?

– Ищу, старик. Просто сам сейчас в таком чертовом тупике, где рвутся, трещат и почему-то болят все нитки, которыми шит мозг... Рвутся, а обрывки не могу собрать, выбросить и забыть.

– Что случилось?

¹ Подробнее об этом в романе Евгении Михайловой «Плата за капельку счастья».

– Бросили меня жена и сын. Только это. А так все в порядке. Сегодня пью, завтра работаю с удвоенной энергией. Появится злость. Больше нечему у меня появляться.

– Знаешь, что я тебе скажу, – произнес Алексей. – Самое страшное – это темнота и недосказанность. Я теперь – за падение, если в конце свет. Держись. Мы нужны друг другу. Если понадобится помощь, я рядом.

– Спасибо, друг, – немного удивленно сказал Сергей.

Он неожиданно услышал именно то, что ему было необходимо.

Часть пятая

Преданность

Глава 1

Болезнь Алены

После побывки Алексея в своем бывшем доме Алену начали мучить сны-кошмары. Она все время куда-то бежала, уворачивалась, пряталась от кого-то. Но разные люди ее находили, чужие руки останавливали, чужие глаза преследовали. Она напряженно пыталась рассмотреть этих людей, но лица были не видны, голоса звучали глухо, как и бывает во сне. Алена просыпалась и понимала, что видела во сне кого-то знакомого. Кого-то, кого знала хорошо, но напрочь забыла, что их связывало. А эти глаза, руки, плечи, даже звук голоса, приглушенный сном, – это рассказ о чем-то важном. Именно о том, что все просят ее вспомнить.

В то воскресное утро, когда Алексей вернулся к ней после свидания с детьми, она вышла на звук открываемой входной двери, не до конца проснувшись, не успев выбраться из странного плена. Алексей с тревогой взглянул в ее не сонные, а какие-то смятенные, затуманенные глаза, увидел страдальчески сжатые, опаленные внутренним жаром губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.